

Влад Новиков

БАМБАДА
О РЫЦАРЕ
МАНИАКАЛЬНО-
ДЕПРЕССИВНОГО
ОБРАЗА
РОЖДЕНИЕ ПСИХОЗА

Влад Новиков

**Баллада о рыцаре
маниакально-депрессивного
образа. Рождение психоза**

«Геликон Плюс»

2026

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Новиков В.

Баллада о рыцаре маниакально-депрессивного образа. Рождение психоза / В. Новиков — «Геликон Плюс», 2026

ISBN 978-5-00098-469-7

Экспериментальный роман петербургского психолога Влада Новикова. Вот что пишет о книге литературный обозреватель Диана Либи: «Дневниковые записи человека, страдающего биполярным аффективным расстройством. Реальность, разбавленная галлюцинацией, загадки на каждом шагу. Депрессия, перетекающая в манию и обратно. Великолепный образец нетривиальной искренности и, что еще важнее, отчаянная и нередко успешная попытка схватить читателя за шиворот. Шедевр, каких еще поискать! Но зачем искать? Вот он прямо перед вами».

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-469-7

© Новиков В., 2026
© Геликон Плюс, 2026

Содержание

Часть I. Моя борьба с депрессией	11
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Влад Новиков

Баллада о рыцаре маниакально-депрессивного образа. Рождение психоза

© Новиков В., текст, 2026

© «Геликон Плюс», макет, 2026

* * *

Эрику Бернстайну, Монтгомери Бернсу и Чеславу Тателю

* * *

Читатель, мы с тобой как два шулера, севшие за один карточный стол. Карты сдаю я, но и у тебя, без сомнения, найдется свой туз в рукаве. И это еще большой вопрос, кто кого одурачит, ведь я о тебе знаю даже меньше, чем ты обо мне.

Предупреждение № 1

Эта книга предназначена для узкого круга читателей. У нас тут свой язык, по большей части только нам и понятный. Если книга попала к тебе, чуждый и незнакомый мне человек, неведомо какими путями, то хорошенько подумай, читать тебе ее или нет. На твоём месте, увидев подобное предупреждение, я бы с раздражением отбросил книгу...

у меня в том есть своя выгода.

Предупреждение № 2. Тем, кто еще в сомнениях

Эта книга есть пощечина тем, кто считает, что книга или автор кому-то что-то должны. Эта книга есть пощечина даже тем, кто считает, что «книга или автор кому-то что-то должны, если...» Пусть тот, кто имеет устоявшееся представление о том, какой должна быть книга, оставит эту книгу нетронутой. А читателю с открытым умом и широким взглядом – добро пожаловать. Надеюсь, мои голоса станут тебе хорошими собеседниками. Они мало чем отличаются от персонажей художественной литературы. Здесь ты можешь увидеть, как рождаются герои. Конечно, если мне с тобой повезло.

* * *

– Это грязная и глупая книга! – возмущается голос в фуражке.

– Остынь, папаша, я изо всех сил пытаюсь сделать ее честной. И сделать это ой как непросто.

* * *

Каждый раз, читатель, когда он будет тебя оскорблять, мысленно присовокупляй: «Извините, я не хотел! Это не я, не тот я!.. Падаль! Дважды падаль! Какой еще, еб твоего крота, Мортидо?! Кто? Мортидо? Да, он самый!»

Не забывайте, пожалуйста, кто за этим стоит. Его и будем во всем винить. Я, автор сих мрачных записок, лишь скромный стенографист. Запомни это, будь так любезен. А эти голоса и некоторые, как бы так сказать... угрозы! вводят меня в конфуз не меньше вашего. И...

и постарайся представить его лицо... с добрым, как бы лукавым, как бы старческим таким прищуром. А также истощенное страданием лицо молодого еще человека. Или так: «Это не про тебя, читатель, а про другого, про некоего дурно пахнущего осла. А ты, это, смело становись на мою сторону, и вместе мы живо проучим этого подлеца!..

Погоди, или ты и есть тот подлец?..» С этим мы разберемся позже. А дальше будет эпиграф. И не один.

Всем, всем или же почти всем!

Вы, скрывающие свои лица, по всей вероятности, потому, что у вас нечиста совесть! Слушайте внимательно то, что я вам сейчас скажу.

Алонсо Кихано

Всем тем, кто, поддавшись бездушной моде, использует философскую, психологическую, психиатрическую и проч. терминологию там, где без нее легко можно обойтись

А, да пошел он в задницу! – воскликнул Пантагрюэль. – Что этот сумасшедший городит? Мне сдается, что он нарочно придумал какой-то дьявольский язык и хочет нас обморочить.

Пантагрюэль

Всем без разбора

В человеческой природе есть некоторая порочность, которая в конце концов, как и все исходящее из природы, должна содержать в себе задатки к добрым целям; я говорю о склонности человека скрывать свои настоящие чувства и выставлять напоказ другие, считающиеся благородными и похвальными. Без сомнения, благодаря этой склонности скрывать свою природу и придавать себе лучший вид люди не только цивилизовались, но и постепенно в известной степени морализировались, так как, не будучи в состоянии сорвать маску благопристойности, честности и благонравия, всякий находил для себя школу для совершенствования в мнимых примерах добра, которые он видел среди окружающих. Однако эта склонность показывать себя лучше, чем на самом деле, и высказывать убеждения, которых в действительности нет, служит только предварительно для того, чтобы вывести человека из грубости и заставить его сначала по крайней мере усвоить манеры добра, известного ему, а затем, когда правильные основоположения уже развились и вошли в образ мышления, эта лживость должна быть постепенно искоренена, потому что иначе она развращает душу и не дает добрым чувствам подняться из-под сорной травы красивой внешности.

Кант

Антонен Арто как-то раз искал иероглиф, а другой человек тем временем науськивал своих субличностей нашептывать вашим. Человек был одет в тренерскую нейлоновую курточку фирмы Vans. Во что был одет и был ли вообще одет Антонен Арто – этого мы пока не знаем. Разумеется, я имею в виду не то, что сказал.

Эдгар Помогай

Кто со мной – тот герой, кто без меня – тот паршивая свинья.

Димон, арх. реб.

* * *

И, читатель, будь осторожен, здесь тебе всячески станут проповедовать здравомыслие. Иногда путями иезуитскими, а иной раз просто и беззастенчиво, как бы грецкий орех, брошенный тебе прямо в лоб. Представляешь свое выражение лица, когда тебе в лоб прилетает грецкий орех в скорлупе, притом неизвестно откуда? По моим наблюдениям и в соответствии с моими записями, многие люди боятся и ненавидят здравомыслие, когда оно к ним незаметно подкрадывается, но еще больше они ненавидят, когда здравомыслие заводится вдруг у их ближнего. Почему я говорю «заводится», как будто речь идет о насекомых? А потому что если здравомыслие вдруг вас посетило и вы от него в тот же миг не отмахнулись, как обычно с вами бывает, то впоследствии от него крайне трудно избавиться. Оно требует от тебя все больше и больше, и вот ты уже другой человек.

Есть много уважаемых мыслителей, вероятно, считавших себя здравомыслящими. Я с ними не соглашусь. Например, Шопенгауэр, тот, что написал «Мысли» (именно тот, поймите меня правильно и не перевирайте мои слова), потерял здравомыслие во гневе. Отыскал ли он его впоследствии? Этого я не знаю.

Читатель, ты можешь усомниться: «Как! Человек с ментальным расстройством будет учить меня здравомыслию?!» Усомниться ты, само собой, разумеется и конечно же, можешь, но вот что я в таком случае тебе отвечу.

Во-первых, да, будет. Здравомыслия много не бывает, нам всегда есть чему поучиться.

Во-вторых, откуда ты, балда, знаешь, что у тебя нет ментального расстройства? Пока я не оказался в кабинете у психиатра, я понятия не имел, что страдаю не от несовершенства самого худшего из всех возможных миров, а от эндогенного психического расстройства.

В-третьих, где твое чувство такта? Или ты думаешь, если мы перешли на «ты», теперь все дозволено?

В-четвертых, нет моей вины в том, что люди с ментальными расстройствами нередко более склонны к анализу своих чувств и своего мышления.

В-пятых, учить-то я, конечно же, буду, но вот учиться тебя никто не обязывает. Предпочитаешь ходить дурак дураком – пожалуйста. Можешь хоть назло маме отморозить уши, никто тебя здесь не осудит. У нас свободная страна, не так ли?.. Или какой сейчас год... ну и так далее.

«В-шестых» я пока не придумал, поскольку у меня разболелась голова и усилилось жжение в эпигастрии.

Для чего я говорю все это в самом начале книги? Зачем эти провокации? Отвечу следующим образом. Я не люблю людей раздражительных, не желающих знать, откуда в них берется это самое раздражение и как лично их касается то, что его вызывает. Также потому что я еще больше не люблю людей, понимающих нелепость этого раздражения и оттого стыдливо скрывающих его, вместо того чтобы рассмотреть его и с ним совладать. У них оно все равно вылезает то тут, то там, да еще и в таких извращенных формах, как морализация. Лучше иметь мало читателей, но чтобы тебе за них не было стыдно.

Кто-то, как одна из моих субличностей – та, что лишена чувства юмора, – может заявить, что это выглядит как хорошая иллюстрация работы защитных механизмов психики. А я ему тут же и отвечу, что он совершенно не понимает интонации, с которой написаны все предупреждения. И я бы не расстроился, если бы книга целиком состояла из одних только предупреждений. А для полноты картины добавлю, что, оказывается, когда у меня есть настроение, я могу танцевать как Игги Поп в клипе *Cry For Love*. Раньше подобных способностей я у себя не замечал. Теперь, надеюсь, тебе ясна интонация?

* * *

Скажу кое-что важное. ВНИМАНИЕ! Все происходящее на этих страницах происходит строго в пределах далекой страны Оссиании, и нигде более. Все заявления, сделанные здесь, действительны в пределах вышеуказанной волшебной страны. Все обращения к читателю адресованы **ВООБРАЖАЕМОМУ ЧИТАТЕЛЮ**, а не тебе, читающий это, кто бы ты ни был. И если твой ум заподозрил неладное – что мне до сего.

* * *

Михаил Лермонтов рассказал нам, что нужно делать, и мы давно, уже многие тысячи лет, пытаемся это сделать, хоть и не всегда в письменном виде. Итак, разумные слова безумца ушедших лет: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

Помни, читатель: многое из сказанного здесь есть слова внутреннего демона. А если забудешь, грош тебе цена как читателю! (Слова демона. – Прим. автора.) Достаточно я разжевал, или ты так и не понял, как нужно читать нижеприведенный текст до самого последнего слова?

И если ты все же удивлен, милый друг, что от случая к случаю тебя будут поносить на этих страницах, то перечитай, пожалуйста, старого хитреца Алькофрибаса и более не удивляйся. А умный читатель, вероятно, ответит: «Не беспокойтесь, многоуважаемый автор, мы еще от ругани мэтра не оправились, так что ваши выкрутасы покажутся нам не более чем легким похлопыванием по заду, в назидательных целях, разумеется. Дерзайте же, нам оно только в радость!»

Я говорю вам это напрямую из маниакальной фазы биполярного аффективного расстройства. Все блокноты, случайные листки и салфетки с записями уже собраны. На горизонте возникает слово «зачем» и знак вопроса, вросший в него еще в незапамятные времена. Ответим на этот вопрос, удовлетворим нездоровый интерес этого ожившего для меня слова... И тут он... тут он нашептывает мне, что не привык обманывать читателя больше, чем того требует материнская любовь и отеческая забота к этой нерадивой, но все-таки своей, такой родной и нужной _____. Пропущенное слово, пожалуйста, придумайте сами. Можете использовать синие чернила и механизм проекции...

И еще: я хотел начать весело. А дальше, как того требуют особенность стиля и темперамент автора, мы вернемся в прошлое. Дальше некоторое, уже по традиции, количество страниц мало кому интересного введения. Кто же еще, как не я, должен отпугнуть тебя? Мой соавтор, вышеупомянутый внутренний демон, не желает иначе.

Итак, как я уже объявил, возвращаемся в прошлое. И не забывайте про оскорбления и нестыковки... противоречия... Я еще не определился, кто ты мне такой, называть мне тебя «ТЫ», или вас – «ВЫ».

Глубоко вдохни, читатель, мы возвращаемся в прошлое, а оно почти всегда безопаснее настоящего. И в этом его главное преимущество!

* * *

Нет, постойте, я вынужден сообщить вот еще что. Мне не хочется сбивать тебя, читатель, с настрое, который я сам же и пытаюсь тебе задать, но без этого, похоже, не обойтись. Сейчас, когда текст подготовлен к изданию, мне вдруг сообщают, что все предупреждения, сделанные выше, читателем моментально забываются, и он уже на следующей же странице не помнит про «Многое из сказанного здесь есть слова внутреннего демона» и «У нас тут свой язык, по большей части только нам и понятный». И теперь я, признаться, смущен. Я, честное слово, смущен, но притом даже не могу сказать об этом простым языком (без некоторой, сами понимаете, витиеватости, кхе-кхе, простите... изысканности словесной или же нарочитого косноязычия), поскольку все еще нахожусь в маниакальном состоянии и считаю себя кем-то вроде гомункула Достоевского – Рабле. Что ж, я скажу так, как умею сейчас. Иные главки были услышаны мной (они прозвучали в моей голове не моим голосом) и не подвергались сознательной обработке; с многими из них я согласен лишь отчасти, с другими же не согласен совершенно. Главная цель сего повествования заключалась не в том, чтобы научить кого-либо уму-разуму в главках-мудрствованиях, написанных в маниакальном состоянии «всезнания», а в том лишь, чтобы показать, что такое внутренняя жизнь конкретного человека, живущего с конкретным ментальным расстройством. Дабы это было нагляднее, внешней жизнью этого человека я решил почти полностью пренебречь, оставив лишь самые необходимые вводные данные в некоторых местах этих блокнотных записей.

Мне почти с самого начала стало ясно, что главной цели я ни в коем случае не достигну, но мне было уже все равно, мне было уже интересно пообщаться с тобой, воображаемый читатель. И вот тогда я подумал: а быть может, и тебе, читатель из реального мира, где бы ты это ни читал и какой бы сейчас ни была твоя мимика и пантомимика, будет интересно пообщаться с воображаемым мной, то есть вот с этой вот проекцией меня реального на листе бумаги, которую ты, вероятно, сам того не осознавая, доработаете в соответствии со своим жизненным опытом и представишь самому себе в том виде, который тебе сейчас актуален. И ведь я никогда не смогу в точности узнать, читатель, какой я в твоём представлении. Не услышу своего голоса в твоей голове и не пойму твоих чувств... а жаль.

Там, читатель, где ты увидишь море пафоса и океан самодовольства, – знай: я таким образом сообщая тебе, как выглядит мания / гипомания во внутренней жизни, которую ты не отыщешь в учебной литературе... Там, где преобладают косноязычие и бедность слога, – ты наблюдаешь депрессию / субдепрессию. Бывают еще и смешанные состояния, но меня больше не впечатляют эти слова, и я не хочу без надобности загонять себя в рамки, так что ожидать стройности и методичности от представленных записок строго не рекомендуется.

Перечитывая написанное, я по временам морщился от неудовольствия, стыдась той части себя, которая была мной, когда писались те строки, но ведь я как будто бы знал, на что иду, а потому и не прошу сочувствия, я лишь прошу понимания.

Вероятно, подобные предупреждения выглядят жалко, выглядят как попытка отказаться от своих же собственных слов, но это не совсем так, я от своих слов не отказываюсь, а только хочу заметить еще раз, что нет никакого статичного монолитного «я» и быть не может, но есть многомерная психическая реальность, которая у иных, вероятно, существует не в таком болезненном разладе с собой, а у нас, людей с ментальными особенностями, – в таком.

Вот еще кое-что. Я, разумеется, понимаю, что говорить «шутка», после того как ты пошутит, – как-то вроде бы глупо, то есть объяснять в самом начале, где есть мания, а где депрессия, – страх как нехудожественно, вроде бы сам текст должен дать это понять, но! биполярное

расстройство, хоть оно и на слуху сейчас, – вещь все-таки темная и неясная широкому кругу читателей, а я, хоть и написал, что «книга предназначена для узкого круга читателей», все же тайно надеюсь, что читать ее будут не только люди, страдающие от биполярного расстройства и подозревающие его у себя, но и вообще все те, кому интересен другой человек.

Еще один раз. Вспомни, читатель, когда тебе захочется швырнуть книгу в стену или в мусорное ведро, вспомни, что и я сам не раз хотел это сделать, перечитывая написанное. Такая у меня внутренняя жизнь. Ты в любой момент можешь остановиться и забыть об этом произведении и его «голосах-героях», а мне с собой все-таки жить. Так что по возможности не руби с плеча. Крепко целую и обнимаю, твой добрый друг, один из голосов маниакального эпизода.

Написано в маниакальном состоянии одним весенним днем.

Часть I. Моя борьба с депрессией

* * *

Месяц без лекарств. Плохо сплю. Просыпаюсь по двадцать раз за ночь. Из стен вылезают тени, по комнате проплывают фигуры людей, в углах скребутся мыши, резкие высокие звуки раздаются в предбаннике вагончика. Меня это не трогает. За год на таблетках я перестал чувствовать. Только редкие вспышки, которые гаснут быстрее, чем успеваешь осознать, что ты что-то почувствовал.

Сейчас апрель. Я уехал в деревню, чтобы не видеть людей и не иметь доступа в Интернет. В Интернете ведь тоже люди. Даже живее. На них, как ни крути, везде натыкаешься. А здесь – восемь домов, и все пустые.

В деревянном вагончике, где я живу, сейчас еще очень холодно. Ночью сплю в раскладном кресле, а днем сижу за столом и смотрю в окно. Метрах в ста виднеется старая конюшня. Она уже вся развалилась, до нее нужно идти по высокой траве, и я все-таки опасаюсь клещей. Тревога всегда остается еле заметным фоном, даже когда ничего больше не чувствуешь.

Два года назад, когда я приезжал сюда, чтобы дописать «Соломенную собачку», я на всякий случай выискивал деревце понадежнее и клещей не боялся... слюнки текли, как хотелось затянуть у себя на шее петлю, что я не раз делал дома, но всегда в последний момент выбирался. С немалым трудом и долей сожаления...

Тогда я был здесь после первой по-настоящему восхитительной мании, которая внезапно ушла от меня. Она оставила меня в глубокой депрессии, в растерянности и в ожидании ее возвращения.

А тогда, в мании, было иначе... Тогда я возлюбил и понял весь мир, всех живых существ и вообще всё, что только есть в этом мире. Я решил, что стал бодхисаттвой и что мне вот столечко осталось до того, чтобы уйти в нирвану, если я сам того пожелаю. Это было ясно как день, хоть я и на всякий случай об этом помалкивал.

В нирвану я так и не ушел, а психиатр впоследствии объяснила мне, что в маниакальной фазе такое случается. Я возразил: «А может быть, бодхисаттвы и будды с того и начинали, с маниакального эпизода то есть, а потом научились контролировать манию и никогда ее не терять. А если еще припомнить Новый Завет...» Но дальше было лечение: нормотимики, нейролептики, антидепрессанты, транквилизаторы... Лечению я был рад, ведь к тому моменту, когда я сидел в кабинете у психиатра, чистой и восхитительной мании, когда ты в постоянной эйфории, а иногда и в экстатических состояниях, каких и от оргазма не случается, такой мании у меня уже давно не было... Теперь было по-другому. Я был взвинчен, не мог спать из-за иллюзий и галлюцинаций, и все было мне ненавистно. Хотелось отрезать себе пальцы и выжечь сигаретой глаза. Чтобы не лишиться зрения, мне приходилось тушить хабарики о запястье. Это помогало прийти в себя.

Теперь я не пью таблетки. Надоело. Теперь о другом. По вечерам, на закате, в голове возникает образ, как ко мне приходит мой психиатр. Она примерно моего возраста, лет, может быть, тридцать... она приходит ко мне, и тогда я предаюсь сладостным грезам, нежно и неторопливо... а потом приходится топтать через весь огород в дом, где есть умывальник. Я мог бы жить и в самом доме – Матвей на этом почти настаивал, когда отдавал ключи, – но тусклая ностальгия по тому печально-романтическому времени, когда я жил в этой десятиметровой деревяшке в прошлый раз, не позволила мне согласиться. Я надеялся на страдание. Мне хотелось хотеть плакать, биться об стены, кричать. Хотелось сильных чувств: любви, обиды, нена-

висти... чего угодно, только не пустоты. Но – тишина. В ней только тревога звенит время от времени, когда я обращаю свой взгляд внутрь себя.

* * *

Еще до того как я начал принимать нейрорептики, по своей самонадеянности я задумал описать внутреннюю жизнь человека настолько искренне и без штукатурки, что кто-нибудь и в самом деле мог бы задохнуться от смрада, как нас и предупреждал один злобный призрак, вышедший из головы Достоевского. Да только теперь у меня нет внутренней жизни, одни обрывки да корочки. Я пытаюсь ее симитировать, так сказать, привлечь ее таким образом, но что-то все не выходит... Подождем. Вы готовы подождать вместе со мной, любезный попутчик? Конечно нет, нетерпеливый ты дармоед и кровопийца! Только бы поразвлечься за чужой счет! Хорошо, тогда я сам... За дверью словно бы слышался звон шпор.

* * *

А! Заметил? Внутренняя жизнь просочилась. Брызнула! Разве стал бы я называть тебя дармоедом и кровопийцей? Разумеется, нет. А вот та часть личности, которую я зову «демон», всегда рада выкрикнуть что-нибудь такое да что-нибудь этакое. Она мне все время гадит, пытается запороть любые начинания. Она же подбрасывает мне самые постыдные образы в голову, в самый неподходящий момент. Демону нравится наблюдать чувство стыда и мою растерянность. Он смеется безумным смехом, он хватается за животик и дрыгает ножками... А потом его хитрожопый кореш «добрый полицейский» нашептывает: «Был паршивый день, приятель, ты заслужил, прими бензодиазепиновый транквилизатор... на одну таблетку больше, чем обычно... выпей вина... встань с кровати, давай еще полбутылочки, прямо из горлышка... посмотри порно, сожри целый торт...» А? Старый трюк. У них неплохо получается. И как только «добрый полицейский» заканчивает свою работу, появляется его злой двойник, чтобы возмутиться и пристыдить... Но это хороший знак. Возможно, благодаря этому я еще напишу книгу о внутренней жизни человека. Без штукатурки.

* * *

Вчера ночью ко мне не приходил мой психиатр. Я пытался вызвать ее всеми силами, а вместо этого ко мне приходила она... В детстве она так отвратительно и с такой пугающей страстью наваливалась на меня, чтобы облизать и искушать мне уши, что я прямо сейчас тряусь от отвращения. Не будь она так изуродована алкоголем, все могло быть иначе...

* * *

Я пишу, чтобы откопать в себе тоску или боль.

* * *

Мне нравятся тридцатилетние, ведущие себя как молодежь. Я не люблю молодежь, которая ведет себя как молодежь, – они фальшивят.

* * *

Равнодушные с примесью отвращения часто принимают за тонкое чувство юмора.

* * *

Солнечный день. Я бродил по деревне голым, было так тихо и светло в голове, что хотелось дойти и до речки у соседней деревни. Мне помешала мысль о клещах и о том, что в соседней деревне есть живые люди...

* * *

В предбаннике притаились Эмиль Чоран и Рюноске Акутагава. Они хотели обругать меня за форму, в которой изложены вышеприведенные умозаключения, когда я пойду в дом за чаем.

Не тут-то было, меня спас Конфуций. Он вовремя предупредил их, что с демоном лучше не связываться.

Я смеялся на весь вагончик. Хорошо, друзья мои! Я снова учусь смеяться... «Ну-ка!» – мысленно я погрозил пальчиком Чорану и Акутагаве. И снова стал смеяться.

* * *

Возможно, мне показалось, но за дверью словно бы слышался звон шпор...

* * *

Однажды я читал в метро «Взгляни на дом свой, ангел» Томаса Вулфа. В какой-то момент я настолько растрогался, что у меня потекли слезы. Я оторвал взгляд от книги и увидел, что на меня смотрят некоторые пассажиры. Я вытер слезы бумажным платком и нахмурил брови.

Весь день мне было стыдно, что я нахмурил брови.

* * *

Однажды я читал в метро «Дневник вора» Жана Жене. В какой-то момент пассажир, периодически заглядывавший ко мне в книгу, фыркнул с отвращением и демонстративно резко отошел в сторону.

Фу, ну и тупица. Как же ему не стыдно?!

* * *

Сегодня я смотрел в окно на заходящее солнце. Я сидел на стуле в вагончике и видел маленький теплый круг на горизонте, но в то же время и на том же месте я увидел гигантский раскаленный шар посреди космоса... Ощущение несущественности и кратковременности моего существования и существования человечества в целом заставило меня рыдать от восторга. Я снова мог ощутить всю ничтожность человеческой жизни. И от этого она показалась мне такой прекрасной и ценной, что захотелось жить вечно... А потом все равно пришлось

идти через весь огород в дом, чтобы умыть лицо. Самые прекрасные моменты моей жизни заканчиваются у умывальника.

* * *

Пока заваривался чай, я рылся в библиотеке в доме. Там была книга Лим Чже «Мышь под судом». Я так увлекся, что прочитал ее в один присест.

Мне стало жаль мышку. Чичиковых, запрещающих ввоз иностранных медикаментов, я бы жалеть не стал...

* * *

Интересно, диагноз уберег бы меня от тюрьмы? Я, как и почти любой оссианец, с юных лет приучен бояться тюрьмы. Психиатрической больницы я боюсь не так сильно. Изнасилования там, насколько мне известно, случаются реже.

* * *

В литературе обычно избегают изображения физиологических потребностей, удовлетворяемых в одиночестве. Иногда в литературе ими эпатируют. Как бы, не избегая и не эпатируя, заявить, что я записываю это, сидя в деревенском сортире? Рядом со мной жужжат две мухи. Мне грустно.

Опять, что ли, не получилось?

* * *

В детстве, когда она приползала домой пьяная и лезла ко мне со своей омерзительной нежностью, я мысленно желал ей смерти и тут же плевал через левое плечо... она ведь и в самом деле могла однажды не проснуться, а я все же боялся накликать беду.

С тех пор у меня голова поворачивается в левую сторону легче, чем в правую, и я не могу спать на животе, повернув голову направо, а налево – могу.

* * *

Недоверие к Простому возникло у него еще в безусой юности. Человек, не сумевший поладить со своим либидо, предлагает другим жить так, как он сам не умел. Но разве другие лучше тебя, Лев Простой?

В предбаннике его обругал Конфуций.

* * *

Да кого обругал Конфуций?!

* * *

На серьезных мероприятиях, у самых серьезных дяденек и тетенок, особенно если они на сцене, демон так и толкает меня спросить: «А что вы, собственно, скрываете от этих простофиль? Скажите же, что первое пришло в голову?»

«Ах, если бы моя книга была так же прекрасна, как песня Дона Маклина», «Ах, мне бы Нобелевскую премию по литературе... хотя бы и не заслуженную, хотя бы и без церемоний, так, по почте... курьерской доставкой на дом... и банковским переводом... а все-таки!» – нашептывает голос.

Ну а вам что нашептывает голос?..

* * *

Какие-нибудь гадости?

Вроде группового нарциссизма...

Моргни, если понимаешь, о чем речь.

* * *

Нет, серьезно, что вам нашептывает голос?

* * *

А что ты сейчас почувствовал? Ответишь самому себе? Мне-то что, я уже давно только текст... прочитанный твоим внутренним голосом. Какой он, кстати? Сейчас. Твой внутренний голос. Какой он? Голос пикаро или тюремного надзирателя?

* * *

Если с умом использовать самолюбование, можно стать искренним человеком.

* * *

А вот если без ума, да еще и в группе... о-ой... тогда кругом будут мерещиться враги да предатели.

* * *

Вечером я устроил танцы под песню Summer Wine в исполнении Нэнси Синатры и Ли Хезлвуда, очень медленно и с чувством двигался по вагончику в обнимку с моим плюшевым опоссумом. Вскоре я сшиб обогреватель со стула и обжег руку. Конфуций при этом хлопал в ладоши.

И снова как будто бы слышался звон шпор...

* * *

Мое внимание привлекает образ последних месяцев Артистской империи. Если бы войну проиграл Софистский Союз, возможно, мое внимание привлекал бы образ Софистского Союза. Поражение, лишенное жажды реванша, приближает к красоте завершенности, победа – обрекает на продолжение борьбы...

...до неминуемого поражения.

Иначе говоря, мое внимание привлекает образ смерти.

* * *

Стоило бы понимать, что _____ мировая война рано или поздно станет не более трагичной, чем, например, война Троянская.

* * *

Маниакальная веселость покинула меня. Я лежу в разобранном кресле с застывшей улыбкой, чувствую себя сильно похудевшим, ребра торчат...

В доме есть нож... я не могу отвести взгляд от запястья... Меня подташнивает. И даже слезы не хотят течь.

Не удалась мания?

* * *

Когда стемнело, я вытащил в огород стулья из дома, натаскал дров и разжег костер. Включил *Lebanon Hanover* и стал громко подпевать. Внутри была пустота, и музыка замещала внутреннюю жизнь. Казалось, если музыка прекратится, мир меня раздавит.

Я устроил первобытные пляски, танцевал среди пустых стульев, кружился, глядя на звезды, и было уже не так больно. Но как только я остановлюсь... и тут я упал на траву.

Я спросил небеса: «Что нужно сделать, чтобы унять боль?» – «Человеческое жертвоприношение!» – хитро ответили небеса. И я рассмеялся.

Кто знает, может, вот так и становятся маньяками.

* * *

В доме, на книжной полке, Вознесенский и Пастернак. Потом Бродский. Целый день я читал, не вставая с дивана. И ничего не почувствовал.

* * *

Я проснулся очень резко, просто открыл глаза и оказался в полном сознании. Мне послышался стук в дверь. Я стал прислушиваться, такая сосредоточенность... Время тянется необычайно... затаил дыхание.

Снова стук. Я выдыхаю. Ладно, это лучше, чем неизвестность. Надеваю штаны и футболку. Иду в предбанник. Смотрю на дверь, жду, мне не хочется открывать. Кто может там

быть? Матвей предупредил бы... Кто-то из соседней деревни? Как они узнали, что я в вагончике? Это же просто сарай. Кто подумает, что в нем можно жить в это время года?

Кто-то снаружи потянул на себя дверь – изнутри она не запирается, – и в свете яркого дня я вижу девушку... несколько мгновений на осознание... ах... ну нет, с чего бы? Это... моя сестра, я ее пять лет не видел.

– Привет, – кивает она.

Я молчу, лицо как камень. Дальше. Я начинаю хмуриться, наблюдаю за собой, словно со стороны. Одновременно наблюдаю и за ней.

– Можно мне войти?

– Входи.

Она проходит. В предбанник. Я иду дальше, в самую комнату. Она за мной.

– Я тебя разбудила? – она смотрит на неубранную постель.

– Да, я спал.

Она осматривает комнатку. Мы давно не виделись.

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Надо было предупредить... Откуда ты узнала, что я здесь? Как ты нашла... я сам не знаю, если что, как отсюда выбраться. Это какая-то глушь. Тут никто не живет, все дома пустые.

– Матвея встретила... – она продолжает осматривать комнату. – У тебя сейчас... – мнется, подбирает слова, останавливается передо мной, смотрит прямо в глаза: – Тебе нужна помощь...

– Ну да, конечно, помощь... помощь... смешное слово... только я засел здесь, чтобы никого не видеть. Это и была моя помощь себе. Мне это всегда помогает! Я уезжаю из города, когда уже пора. И надо было позвонить, прежде чем приезжать!

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Что? – лицо выражает удивление... растерянность...

Да пошла она в жопу со своими неподавленными эмоциями!

– Я хотела тебя поддержать... помочь тебе. Мы же семья.

– Да ну... это какая-то чушь. И слово какое пугающее – «семья»... Может, чувство вины... не знаю... Не думаю, что у тебя было желание меня поддержать.

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

Я не понимаю, она всегда была раздражительной, суетливой сукой, а тут такое терпение. Я удивлен разумом. Но вот что. Ее мимика все еще таит в себе что-то... Она сейчас, с этой старомодной прической, с тонкими бровями, очень похожа на Грету Гарбо... или, может быть, на Марлен Дитрих... неважно, неважно, мне плевать...

Итак. Я качаю головой с улыбкой отвращения, я говорю:

– Да ну, это какая-то чушь.

– Я останусь на пару дней, захочешь поговорить – я буду в доме.

– Ага, – отвечаю. – Плевал я.

– Ключи у тебя?

Небрежно кидаю ключи Тане... И-и... ничего. Совсем. А раньше бы она такую истерику закатила. Из-за этого «небрежно»...

Что с ней такое? Личностный рост? Годы психотерапии? Нейролептики? Ну что тут скажешь.

– Как ты нашла эту деревню?

– По навигатору.

И вышла на улицу.

– А...

А я-то думал, что в такую глушь дорогу просто так не найдешь. Теперь не чувствую себя в безопасности. Еще больше.

* * *

Она натопила плиту и стала готовить обед. Вареная картошка, что-то еще, пока не знаю что.

Я ходил по большой комнате и пытался понять, зачем я, собственно, сюда приперся? Пообедать, что ли? Или я все-таки хочу поговорить с ней. Она стала слишком уверенной, терпеливой. Такой степенной.

– Ты, случаем, не на нейролептиках?

– Что?

– Ты таблетки пьешь? С чего ты вдруг перестала быть истеричкой?

Она задумалась...

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Отвратительно! – прервал ее я.

– Что отвратительно?

– Меня раздражает твое самодовольство.

– Я не самодовольна, ты неправ.

– Хорошо, я неправильно подобрал слово. От этого мне еще хуже. Я хотел сказать, что мне ничего не хочется. Вот и все. Я хотел бы хотеть, прислушиваться к себе, потакать себе...

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Бля, у меня биполярное расстройство. Тут все не так просто, как ты думаешь. Ты знаешь, что такое биполярное расстройство?

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Читала она, да уж... короче, блин... ладно, что-то не то в голове... Ха! Мне просто ничего не хочется.

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

И вот я прислушиваюсь, мысленно перебираю пугающие образы в голове.

– Ну, что-то есть? – спрашивает она.

– А-а!.. Да, кое-что мелькнуло... конечно... как мы с тобой... [а какой сейчас год?]

Она молча уставилась на меня. В глазах недоумение. Она, видимо, думает, что это провокация.

– Это не провокация...

Она качает головой:

– Ты серьезно?.. Нет, это... Поговорим позже, – она уходит на кухню.

* * *

Нет, конечно, это в первую очередь была провокация. Мне плохо, мне хочется разделить свою боль, заставить и ее почувствовать эту боль. Но это только в первую очередь, а во вторую, немаловажную, вот что... [а какой сейчас год?]

За дверью словно бы послышался звон шпор...

* * *

Желчь и чернота, разве станет легче, если окунешь в эти озерца другого человека? Да, отчасти, но появится и кое-что новое – колодец вины. А в нем утонуть еще проще.

* * *

– Я возьму твою машину? Хочу съездить до магазина...

Она дала мне ключи... и тут я понял, что не водил уже тринадцать лет, с тех пор как на восемнадцатилетие мать подарила мне обучение в автошколе. Я даже не смог вспомнить, где газ, а где сцепление. Просто забыл.

– Может, ты отвезешь меня в магазин? Я не помню, как водить, – рассмеялся я. Даже рассмеялся. Хорошо. Это я за собой заметил. Посмотрим, что будет дальше.

Дальше. Мы поехали в ближайший городок. Я вышел у магазина... Выбор вина... Взял самое дорогое, по четыреста рублей. Красное полусладкое. Две одинаковые бутылки. И два мороженых со вкусом фисташек. Вафельные рожки.

– Вот тебе мороженое, – отдал я одно, когда сел в машину.

– Спасибо, – мило улыбнулась Таня.

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Хватит, Гриша, – ее просто передернуло. – Не надо таких игр.

– Да я и не играю. Я сказал это, чтобы хоть что-то почувствовать. Стыд, например. Только не получилось.

Я изогнулся и закинул бутылки на заднее сиденье, а когда поворачивался назад, попытался поцеловать ее... Она отстранилась почти с ужасом.

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Но почему?

– Ну... это неправильно.

Я злобно рассмеялся.

– Почему?

– Просто неправильно.

– Ну вот, сейчас посыплются предрассудки, я снимаю вопрос...

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

Таня завела машину. Поехали назад в деревню.

* * *

Внутри как-то беспокойно, напряжение нарастает, но мыслей в голове почти нет. Неприятно находиться наедине с собой...

Похоже, что очередное обострение и без таблеток нечем мне себе помочь. Но я перестал пить таблетки, чтобы они не мешали заниматься книгой, но я все равно не занимаюсь книгой.

Я понимаю, что дело, в общем-то, в физиологии... мой мозг, моя нервная система... Но понимание, что надо просто переждать, больше не помогает. И я хожу по вагончику туда-сюда, курю одну за одной до тошноты... распахиваю окно, которое тоже не запирается. Сюда же кто угодно с любой щели может залезть. Теперь надвигается паранойя. Ночью кто-нибудь влезет в окно и придушит меня как раз плюнуть... да нет, он может просто войти в дверь. Я знаю, что сделаю: я просуну под дверную ручку брусок, это будет засовом. Я знаю, уже жил в подобных строениях, я припоминаю... Но окно... оно меня беспокоит... Нет, нет, я понимаю, что все это чушь, но не могу не беспокоиться... за свою жизнь. Смешно, конечно. Суицидальные мысли и беспокойство за свою жизнь.

Одно мгновение, какая-то мысль, застыл посреди комнаты... закрыл глаза... тишина... и только шум моря в голове... какое-то время... какое-то время... и я открываю глаза... и вот уже стемнело. Меня начало отпускать, отлив в теле, уходящая... уносящаяся волна. Становится легче дышать, улыбка возникает на лице, возникает без мыслей, без образов, просто

от ощущений. Я чувствую красоту вокруг, чувствую ее вдалеке за окном: там поле, потом лес, еще облака на вечернем небе... я рад, что живу. Я чувствую безопасность и с нежностью думаю о Тане. Какие глупости я говорил сегодня утром. Но это в прошлом, это всё пустяки. Она приехала поддержать меня, у меня теперь есть близкий человек. И я иду к ней, захватив обе бутылки вина. Жизнь налаживается. Все хорошо...

– Привет, – говорю я.

– Привет, – отвечает Таня.

Она снова что-то готовит, топит плиту в кухне, печку в комнате... В доме все еще холодно, примерно как в моем вагончике. Тут надо день-два хорошенько топить, тогда будет тепло.

– Будешь вино? – спрашиваю я.

– Ну-у... – тянет она. – Хорошо, давай немного.

Она выглядит иначе. Никакой раздражительности и в помине. Нет, нет, кажется, ее и не было, это лишь мои интерпретации. Стоп. Я забыл. Все ясно, я сейчас тоже не в себе. Другая крайность. Сейчас мне хорошо, но утром я могу проснуться в таком ужасе... нет... Нет, не хочу больше... я хочу остаться навсегда в блаженстве... Как это сделать? Это возможно? Я хочу попробовать! Еще раз. Но вот... короткий приступ паники... Снова уносящаяся волна, на этот раз она уносит эйфорию... Я пытаюсь уцепиться за нее, улететь вместе с ней в мир грез... но она сбрасывает меня... но... я все еще в хорошем настроении. Теперь я становлюсь спокойнее. Наступает внезапная трезвость. Мне достаточно хорошо, я принимаю это, этот неожиданный спад. Я хочу что-то исправить...

– Прости за всю эту гниль, утром я был не в себе, это такая чернота внутри... Надеюсь, я тебя не обидел?

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Да? А я толком не читал, – понял я вдруг. – Мне как-то тяжело разобраться в этом... Я налил нам вина и стал пить большими глотками.

– Поговорим об этом?

– Можно попробовать, – оторвался я от бокала.

Она садится на диван, я сажусь на стул у окна.

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

Я мотаю головой, смотрю на нее... в голове мелькает образ, как мы... [а какой сейчас год?] Я скривил лицо, не к месту этот образ сейчас...

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Думаю, тебе это не понравится, это все-таки кое-какая жесь...

Она замешкалась, но, похоже, решила продолжить:

– Давай так, я пообещаю тебе, что не стану осуждать или оценивать...

– Ну... – замешкался и я. – Хм... ладно... вот смотри, у меня в голове мелькнул образ... [а какой сейчас год?]

Я слежу за ее мимикой. Она ничего не выражает...

– Пока все в порядке? – спрашиваю я.

– Да, продолжай, – она наклонила голову набок, так иногда делает мой психиатр. Интересно...

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

Я внимательно изучаю ее лицо, на мгновение оно становится тем, что мелькает в моем воображении...

– Тебе нравится эта фантазия? – спрашивает Таня.

– Да, там все очень красиво.

Я наливаю себе еще вина. Подливаю ей.

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

– Понятно отчего. Социум, его осуждение, насмешливость, отторжение, необходимость защищаться... Если бы мы с тобой... это же такое табу, пиздец просто! Меня это все тревожит, раздражает... Это все теневая сторона, открываешь свою теневую сторону, будоражишь тем самым чужую. Человек боится за свою тень, стыдится сам и стыдит других, нападает, чтобы защититься. Ничего нового. Это такое лицемерие, просто тошнит.

У всех же есть мысли, которые принято скрывать за маской благопристойности. Но это смешно, примерно об этом говорил еще Кант, а они так и ходят в своих архаических масках и так и не снимут их еще века. Ну, может, только немногие... а большинство... большинство так и будет ханжесковать год за годом. Меня злит и пугает эта невежественная толпа.

В общем, я устал от этих злобных манекенов. Это такая нелепость, такое тупоумие – утверждать, что у тебя нет теневой стороны... Вот если мы с тобой, к примеру... [а какой сейчас год?] и заявим об этом в открытую, то что тогда будет? Нас же, фигурально выражаясь, камнями закидают. А еще не так давно могли бы и в действительности закидать камнями. А ведь кому какое дело до того, что делают два взрослых человека, никому не причиняя вреда? Разумно ведь звучит? Но – нет, не для толпы с зудящей тенью.

– Почему тебя волнует мнение толпы? – она снова наклонила голову.

– Да как почему? Толпа ведь линчует, а не человек. Дух толпы линчует! Это же так природа устроила: когда стая против тебя – насторожись. Тут тревога в принципе даже небезосновательна. Это естественно для человека – опасаться толпы, избегать ее излишнего неодобрения. Разве нет? И вообще, я плохо переношу оскорбления. Когда у тебя биполярное расстройство, все обостряется. Ты можешь даже из-за плохой погоды прийти в бешенство, а уж такие вещи... Оскорблений, мне кажется, никто не любит, – нервно засмеялся я.

– А тебе обязательно обнажать теневую сторону? Ведь есть здоровые границы. Откуда у тебя потребность их разрушить?

– Это устаревшие границы. Мысль страшна, пока не высказана, образ – пока скрыт от сознания. Мне кажется безумием, что люди так тщательно скрывают свои лица. Но это, конечно, личное дело каждого... Другое дело, когда тебе плюют в лицо, как только ты сбрасываешь свою маску. И, разумеется, у меня нет иллюзий насчет человека толпы, я не стремлюсь его изменить, заставить очнуться. Вот только тревога – она же, как я уже сказал, небезосновательна.

Таня медленно кивает...

– Ты бы действительно хотел... *Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...*

Она стала вглядываться в меня, а я отвел взгляд. Напряженно хмурил брови...

Некоторые блокнотные листы утеряны безвозвратно...

* * *

Литературное собирательство. Литературное земледелие. Литературное скотоводство. Литературное скотоложство. Литературное скотство. Оссианское литературное скотство.

* * *

– Сколько страниц я выбросил в нужник в приступе отвращения к художественности? Дрожащими от ненависти к себе руками!

– Сорок пять страниц, сэр! Похоже, эта станет сорок шестой, сэр!

– Солдат! Пойми, им не хватает искренности, они были предельно эстетичны! Хоть мне их теперь и жаль...

– Я понимаю, сэр!

– Ты не винишь меня?

– Никак нет!
На этот раз он забыл добавить «сэр». Но я добавлю за него:
– Никак нет, сэр!

* * *

А все-таки от литературщины никуда не деться, пока в голове роятся эти голоса-пчелы.

* * *

Нейролептики, да будет тебе известно, прекрасно избавляют от привычки говорить красиво. Тут я по опыту тебе скажу, Санчо, ведь я как-то раз пытался написать книгу под сероквелом, и ты сам прекрасно помнишь, что из этого вышло. Да, вот именно. Ничего из этого не вышло. Потому что вместе с красотой, как ни странно, ушла и искренность.

* * *

Этот человек пытался втянуть меня в спор о театре, вот я и сказал, что не считаю Шекспира великим драматургом. Человек снисходительно улыбнулся, и тогда я, сдержав раздражение, скучающим тоном добавил, что просто разделяю мнение Простого, высказанное им в «О Шекспире и о драме». И когда человек в недоумении споткнулся мыслью, я почувствовал удовлетворение.

Но:
– у меня не было мнения насчет Шекспира;
– у меня до сих пор нет мнения насчет Шекспира.

* * *

Простой был уверен, что Шекспир ему что-то должен. Он также был уверен, что драма ему что-то должна. А ты, читатель, что думаешь? У тебя тоже кто-то в должниках ходит?

* * *

У меня – да.

* * *

Не забываем про косноязычие. Повторяем одни и те же фразы. До тошноты.

* * *

Оголяя закулисы писательского сознания, я постараюсь сделать из текста густое и клейкое варено.

* * *

Интересно, интересно, а можно превратить книгу в сплошной разговор с читателем?

«Книга – это и есть разговор с читателем», – говорит Антон Чехов.

А я ему и отвечаю: «Это все брехня, мистер. Можно сюда что угодно запихнуть. Например, книга – это и есть разговор со своей душой. Так что прекращайте, пожалуйста.

И еще. Если уж из тебя так и лезут пафосные речи, так будь добр, делай это хотя бы с лукавой улыбкой».

Где-то далеко в ночи мелкой россыпью зазвенели шпоры.

* * *

Разумеется, это говорит не сам Антон Чехов, а его злой двойник, вылезающий из моего подсознания. Не полностью, видна только голова над черной гладью воды. И еще плечи в пуховике... «А какого цвета пуховик?» Откуда я знаю...

* * *

Я не могу вспомнить, как он там вообще оказался. Да еще и в белом пуховике.

* * *

Или это вообще был Антонен Арто? Вы не разглядели, нет?

* * *

Да нет. Это я, конечно, так. Просто. Просто хотел немного взбодрить читателя. Я же не ради красного словца сказал в самом начале: «Здесь ты можешь увидеть, как рождаются герои». Вот спроси меня. Что? Да вот это самое, о Тане и Грише. А? Для чего я выдумал историю с Таней, когда у меня и сестры-то нет? Да и когда я не Гриша ни разу и вовсе... Да я и не то чтобы выдумал специально. Понимаешь, в один из дней мне послышался стук в дверь вагончика, но, когда я открыл, на крыльце никого не было. «А кто бы это мог быть, если бы там все-таки кто-нибудь был?» – подумал я. Вот тут я и ухватил всю историю с Таней. А потом сел за стол и записал ее, пока не прошло настроение. Мне давно было интересно рассмотреть для себя одно из самых строгих табу. К тому же нарушение тех или иных табу – неотъемлемая часть нашей внутренней жизни, кто бы что ни говорил. А еще мне захотелось отпугнуть воинствующих ханжей. Кыш! Кыш!

Всё, автора мы очистили от скверны, теперь идем дальше.

* * *

– В нашем литературном журнале то... в нашем литературном журнале се... А тут... Есть литература такая... есть литература этакая... Но у вас, молодой человек!.. Это же просто...

– Знаю, знаю... для вас это уже давно непросто. Может быть, раньше и было просто. Но возраст, возраст! Все-таки узость мышления с возрастом... И еще. Вы забываете, папаша, что я могу оскорблять вас направо и налево, ведь вы всего лишь злой двойник, вылезший из моего подсознания.

* * *

– Иногда мне кажется, что злые двойники из подсознания на самом деле не злые, а сравнительно добрые.

– А где тогда обитают злые?

– Они обитают в действительности.

* * *

Я хотел бы, читатель, утащить тебя в дальние, неизведанные земли. Взять тебя в странствие в качестве оруженосца. Но мы должны ждать, наш первый выезд не удался. Теперь мы должны хорошо снарядиться в дорогу. И ждать.

У тебя в хозяйстве, случайно, не найдется осла?

* * *

Времена литературной мудрости давно минули, но мы с тобой, Санчо, для того и явились на свет, чтобы вернуть ей, поруганной и высмеянной в социальных сетях, ее блистательную славу!

Санчо? Где ты, мой друг? Я... я плохо вижу, ты... ты еще здесь? Я не помню, как я здесь оказался... Что это за пещера?

* * *

Ночь. Голос в предбаннике: «Орден бесноватой мудрости еще возродится!»

* * *

Я подозреваю... с интересом шурюсь сейчас, я подозреваю, что даже такие столпы морали, как Лев Простой, все-таки хотя бы изредка да занимались кое-чем предосудительным, когда оставались наедине с собой. Я не уверен, что человек, заявивший, что муж с женой должны стремиться жить как брат с сестрой (обратите внимание и переосмыслите прочитанное), мог хотя бы раз в жизни заниматься «кое-чем», но гарантий-то у нас нет, не так ли?

– Зачем о таком говорить?

– А зачем о таком молчать?

– Я возмущен до глубины души! Есть же приличия!

– Право, сколько можно выставлять напоказ лишь социально приемлемые пороки?

– Да кто ему дал право так говорить о Простом? – кричит кто-то из темного угла.

– Но вы забываете, что шуту позволено Говорить!..

Итак, он повидал всякое. Ветхозаветные старцы плели против него заговор в темном углу комнаты, он бил стекла, еще не проснувшись, просыпался, когда стены были в крови. Призраки неделями не давали ему уснуть, Хемингуэй собирался набить ему морду за просто так. И несмотря на шуточный тон, это были страшные дни и ночи.

* * *

Я не призываю никого по щелчку пальцев разрушать здоровые психологические границы и пускать первого встречного в свой альков, я лишь напоминаю, что все, кого вы знаете, не те, за кого себя выдают. Об этом важно помнить, чтобы не сойти с ума от стыдливости.

* * *

Возможно, когда-нибудь люди смогут говорить обо всех табуированных мыслях, чувствах и образах, скрывающихся внутри нас, ускользающих даже от собственного сознания, и не линчевать друг друга за это. И тогда человечество станет взрослым, сильным и здоровым, а это значит – добродушным. Ну а пока что мы злобные дети, играющие в опасные игры.

* * *

Мир задыхается от всего невысказанного.
Невысказанность питает пустословие.
Невысказанность воспитывает убийц.

* * *

В каждом из нас сидит маленький Голлум, скрывающийся за лозунгом «Не выноси сор из избы». А в избе тем временем размножаются мухи...

Иной раз они видны, если заглянуть в глаза другому человеку.

* * *

Итак, Санчо! Признаем это. Как только я узрел мысль о публикации данных записок, я, тут же закопав ее поглубже в себя (как-то ночью, во сне), начал делать повсюду закладки. Чуть ли не в каждом абзаце.

– Закладки? Какие закладки?

– Да! И теперь мне не суждено остановиться.

– Это до добра не доведет, сеньор! От этого страдает искренность. И меня зовут не Санчо, меня зовут... как же... как же это... а! меня зовут Читатель.

– Хорошо, хорошо, Санчо, будь по-твоему, я ведь тоже не Дон Кихот.

* * *

Я скрываюсь за размышлениями от пустоты – она еще здесь, – я приблизил размышление к самому моему лицу и теперь не вижу ее, и она не видит меня... Когда я держусь за мысль, я – это только разум.

* * *

Новый термин с пометкой «Для служебного пользования» (далее – ДСП). Итак, вот он: «Посткветиапиновый примитивизм».

* * *

– Это только ты мелкая и грязная личность, а мы чистые и добропорядочные. Это только у тебя есть крамольные мысли, чувства и фантазии, а у нас их нет и в помине. Это только ты ходишь в туалет, а мы не ходим. Ты видел хотя бы раз, чтобы мы ходили в туалет? Хотя бы по-маленькому? Не видел! Потому что этого нет. Мы не ходим. Не докажешь!

– Что ж, у меня действительно нет прямых доказательств. Если вы утверждаете, что у вас нет ни подсознания, ни пищеварительной системы, я не стану доказывать обратное.

* * *

Несколько лет назад он шел по Невскому проспекту. Было лето. В голове у него мелькнул образ: вот он сидит на тротуаре, прислонившись спиной к стене дома, а мимо проходят люди, смотря на него, и он чувствует себя не в своей тарелке.

В те летние дни он захотел во что бы то ни стало стать раскрепощенным. Он сел на тротуар и прислонился спиной к стене дома. Некоторые прохожие действительно обратили на него внимание, и он действительно почувствовал себя не в своей тарелке.

– Почему? – спросило что-то внутри. – Из-за взглядов людей?

– Судя по всему, это так, – ответил он, к своему стыду, и долго сидел не шелохнувшись.

Теперь я отвечу за него. Он не хотел садиться на грязный тротуар, не хотел прислоняться к пыльной стене дома. Он поддался провокационному образу, который противоречил его желаниям. Он чувствовал себя не в своей тарелке, потому что получил то, чего не хотел, делая то, что не хотел. Он не смог отличить свое желание от злой шутки демона. Он слишком долго не слушал себя, и демон решил ему отомстить.

* * *

А вам как часто мстит демон?

* * *

Часть текста утрачена. В ней, если снять с нее шкуру и прочее, то есть пеструю мишуру высокопарных выражений, говорилось в основном о том, какой симпатяга герой сего произведения и какая гнусная сволочь его невидимый антагонист – дух толпы.

Я где-то уже писал о страницах, исчезающих в нужнике... они до сих пор продолжают там исчезать.

* * *

– Но чаще бывает наоборот, я не люблю тебя и всячески пытаюсь от тебя убежать.

– Да? Почему?

– А это очень просто, смотри. У тебя биполярное расстройство, ты вообще в курсе? Что тут непонятного? Ах, вот. Погоди. Забыл кое-что сказать. Ты – неинтеллигентен.

– Что? Я... я... да как ты смеешь!.. Я сейчас ударю тебя кулаком!

– Ну я же говорил... К тому же ты ударишь самого себя, дурень.

Падение с кресла. Какой-то шум, скрежет зубовой, крики и после всего душераздирающий вопль! Они сцепились, катаются по пыльному полу вагончика. По линолеуму! Один дер-

жит другого за волосы. Другой – тот, которого держат за волосы, – бьет первого в лицо кулаком правой руки. Несколько раз, с наслаждением. Рука, схватившая волосы, ослабевает. Еще несколько ударов кулаком правой руки. Левая рука прикасается к губам... она перепачкана кровью... он закрывает глаза, все закончилось.

* * *

– Зачем ты его не остановил? Ты ведь мог.

– Я не только не остановил, я его подначивал. Я почувствовал, что именно этого не должно произойти, именно это сегодня относится к невозможному. Мир запланирован, и тот, кто смотрит из будущего назад, прекрасно это понимает. Но я попытался нарушить ход истории таким образом.

И снова послышался звон шпор!

* * *

– Что такое гипомания?

– Гипомания – это когда я говорю о серьезных вещах шутовским тоном, прячу смысл в потоке слов, полагая, что читатель обязательно замедлит свое скольжение по поверхности текста, споткнется и посмотрит себе под ноги. Очень внимательно, словно бы под его ногами кошелек, до отказа набитый сияющими дублонами.

* * *

– Что такое мания?

– Мания – это когда он назначает тебя своим оруженосцем. Но и не только. Что-то еще, что-то, да-да, кое-что. Сам знаешь. Да-да! Что-то еще такое. Сам понимаешь... Возможно, еще и... Ах, я научу тебя бессмертию, и благодать снизойдет на тебя, отчаявшегося в душе и заплутавшего в мирских кознях, и воспрянешь духом тотчас же, нисколько не сомневайся!

* * *

– Что такое субдепрессия?

– Это когда просто тяжело... отвечать на вопросы. Нет сил на игры.

* * *

– Что такое депрессия?

Ответа не последовало. Он опускает глаза, пытается что-то сказать, но только беззвучно шевелит губами, он не может заставить себя говорить. А вокруг звенит тишина пустой комнаты. Он встает со стула, открывает дверь и уходит вдаль по коридору. И еще долго слышны его грустные шаги. Того же, кто наблюдает за ним, начинает подташнивать. Он вдруг сумел почувствовать!

* * *

– А что такое ремиссия?

– Да я и сам толком не знаю.

* * *

– Достоевский рассказал мне, что не стоит быть излишне скромным в высказываниях.
Ницше рассказал мне, что не стоит быть излишне нескромным в высказываниях.

– И что ты сделал с этими знаниями?

– Я натравил их друг на друга.

* * *

Он приходит, начинаются игры.

Маслянистые глаза, на это обрати внимание.

Ему сам черт не брат. Он приходит ранним утром.

Знай, если он придет ранним утром, ты захочешь схлестнуться с толпой.

Захочешь напасть на самых подлых.

На тех, кто не оставит тебя в покое, даже когда он уйдет.

Загляни в зеркало. Сегодня держи руки в карманах.

Я спросил: как тебя звать, старик?

Он рявкнул: Мортидо!

* * *

– А кто твой читатель? – спросил голос.

– Мой – тот, кто хотя бы по-маленькому ходит в туалет, – ответил я спросонья.

– А кто точно не твой читатель? – спросил голос.

– Тот, кто, сидя в туалете, кричит сквозь дверь, что в туалет он никогда не ходит, – ответил я в тишину комнаты.

* * *

– Почему некоторые не вегетарианцы, сталкиваясь с вегетарианцами, проявляют пассивную агрессию?

– По моим наблюдениям, чаще из-за неосознаваемого чувства неполноценности и зародыша чувства вины.

– Почему некоторые не вегетарианцы, сталкиваясь с вегетарианцами, не проявляют пассивную агрессию?

– По моим наблюдениям, из-за отсутствия чувства неполноценности и зародыша чувства вины. Они не чувствуют, что убивать тех, кто менее развит, – жестоко.

– Почему первые некоторые не проявляют агрессию открыто?

– По моему мнению, из-за социального конформизма. Общество в целом не одобряет открытую агрессию.

– А если бы одобряло?

– Тогда – убийство не только тех, кто менее развит, но и тех, кто развит более.

* * *

В аудиторию входит молодой человек, молодой Жан-Пьер Лео. Он подходит к обшарпанной парте, за которой сидит преподаватель, садится напротив и, долго не раздумывая, начинает требовать Нобелевскую премию по литературе.

В преподавателе мы узнаем не то Сартра, не то Бунина, не то моего преподавателя по высшей математике.

Преподаватель грустно спрашивает:

– Зачем ты хочешь забрать мою Нобелевскую премию?

Молодой Жан-Пьер Лео отвечает:

– Она мне нужнее, ты все равно мертв!

– Да. Но она хранится у моей мамы...

– Да. Но она мне нужнее...

– Да. Но ты ее не достоин. Посмотри наверх, ты видишь у себя над головой стеклянный потолок? Пробить его можно лишь головой демона, и он оттого погибает. Ты готов пойти на такое?

Молодой Жан-Пьер Лео, который уже не Жан-Пьер Лео, а я в студенческие годы, раздраженно встает со стула и выходит из аудитории. Он недовольно качает головой, чувствует себя обманутым. Сегодня он впервые увидел стеклянный потолок.

– Никому об этом не рассказывай! – кричит ему вслед преподаватель.

* * *

– Джим, послушай. Если ты собираешься продолжать в том же духе, то я умываю руки. Ты же знаешь, что за этим последует. Джим, ты спишь?

– Нет, Олли. Я мысленно продолжаю в том же духе.

– Джим, послушай. Заставь его принять таблетки. Они в рюкзаке. Давай, на столе стакан воды, пусть запьет таблетку водой...

– Нет, Олли. Я лучше помедитирую на стакан воды.

Он закрыл глаза, представил стакан воды на столе возле окна. Но не тот, что в действительности стоял на столе, а куда более красивый стакан. И вот тут появились два человека в масках демонов. Это были японец Курт и японка Джейн. Они плясали и дурачились. Они утащили красивый стакан воды в японскую преисподнюю.

* * *

– Что такое дьявольское конфуцианство?

– Это когда кровожадные нормы морали и традиции сохраняются, а человеколюбивые – вытесняются.

– Где ты встречал дьявольское конфуцианство?

– В идее особого пути какого-либо народа.

* * *

– Хочешь выпить вина?

– Да, конечно.

– Посмотри там, в тумбочке справа от стола. Там, кажется, полбутылки осталось.

– Да, я помню, с приезда Тани.

– Кому ты морочишь голову? Ты что, поверил, что Таня действительно существует?

– Ну...

Долгое молчание. Звон в ушах.

– Вот как все было. Ты топал полтора часа в районный центр в магазин. Купил вино. Пошел назад. Пил его. Один.

– То есть она не вернется?

– Все может быть.

И вот он уже сам не свой. Снова.

* * *

– Нет, ну а ты думаешь, он не в курсе?

– В курсе, наверное.

– И ничего не делает. А доктор что сказала? «Я понимаю, тебе сейчас весело и кажется, что всё под контролем, но в какой-то момент самокритика притупляется и... Да и в конце концов это просто губительно для мозга». Вот, губительно! Ты слышал?

– Да ему только этого и надо, он только рад. Даже жаждет! Более чем жаждет гибели. Теперь он и одевается как Иэн Кертис.

* * *

Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Что? Кого? Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Нет. Я устал. Голову раздувает. Я пишу это, чтобы избавиться от слова «зациклился». Как только я положу ручку, оно вернется с бумаги ко мне в голову. Пока слово гуляет по клеткам блокнота, оно не замечает меня. Я теряю мысль. Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился! Зациклился...

* * *

– Посмотри на закат. Видишь? Почувствовал? Так. Не бойся. Ты знаешь, что это такое. Нужно только дать согласие, и ты попадешь в райский сад, не сходя с этого места. Все вокруг преобразится. Ты еще помнишь, как это бывало. Дай согласие, и страх перестанет существовать, и боль уйдет. Ты даже не вспомнишь, что дал согласие. Тебе покажется, что все произошло самым собой. Скажи: «Я хочу».

– Я...

– Давай. Это нетрудно, только два слова.

– Я... боюсь перестать бояться.

* * *

Я испугался, не дал своего согласия. Теперь последует наказание...

* * *

Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! А! А-а-а! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Блять! Что?! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Сколько еще?! А-а! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся! Заикнулся...

* * *

Внезапный отлив... боль уходит... затаил дыхание... предвкушение... Теперь внезапный прилив, приятная дрожь по телу. В руках и ногах и далее... низ живота, грудь, шея, лицо, виски... По телу бегут мурашки, невидимые муравьи... они уносят с собой любую болезнь. Расчесанные, шелушащиеся икры заживают, больной желудок восстанавливается в считанные секунды, я чувствую уходящее из тела напряжение, зрение восстанавливается, с глаз спадает пелена...

Прилив лечит тело. Я наблюдаю за собой, я наслаждаюсь. Наслаждение пытается смыть наблюдающую часть меня отступающей волной... требуется усилие, чтобы удержаться. Затем новый прилив. Он лечит душу. Я чувствую, как муравьи бегут по моим воспоминаниям и развязывают узелки. Каждый узелок – что-то давно забытое, спрятанное глубоко внутри меня. Каждый узелок – пульсирующее напряжение, зажатость, с которой ты так свыкся, что обычно и не замечаешь ее... Образы из прошлого являются из темноты подсознания яркими вспышками. Я заново переживаю то, что чувствовал я пятилетний, десятилетний... двадцатилетний я... На мгновение я чувствую боль, а затем чувствую легкость освобождения. С каждым развязанным узелком я становлюсь легче. Улыбка разрывает мне рот. Мир прекрасен. «Мир прекрасен» – говорю я себе, и меня уносит волной...

* * *

В момент пробуждения я услышал: «Роскошь быть добрым, не теряя себя, может позволить себе лишь сильный человек. Слабому остается ненависть или самоотречение».

* * *

Интересно, до какого предела бесцеремонности можно дойти в разговоре с теми, кто изображен на картине?

* * *

– Эй ты, сластолюбец-чревоугодник! Я надаю тебе пощечин! Сколько тебе, девятнадцать или девяносто один? Лет или пощечин? Тебе здесь не рады...

– Что? Кто пустил его к блокноту?

– Виноват, сэр, я задремал, а он тихонько подкрался... Такого не повторится, сэр!

– Что-о? На гауптвахту! Обоих! В яму! К крокодилам!

– Проклятье! Все ты виноват...

Скажу одно. Он знает толк в самоистязаниях. В древней Индии и в средневековой Европе он бы нашел, чем себя занять.

* * *

Как работает чувство собственного достоинства? Как карма. Когда его нет, но есть в нем потребность, – плохо. Когда в нем есть потребность и оно есть, – хорошо.

Ничего нового. Просто следует истребить потребность и приблизиться к вечному блаженству.

* * *

– Истребить потребность – подумать только, что я слышу... И чем же тебя не устраивает благоразумное «хорошо»?

– Это ты так говоришь, поскольку никогда не приближался к вечному блаженству.

– А, понятно. Дурдом!

* * *

Вернулся в Санкт-Петербург.

* * *

Купить новых блокнотов.

* * *

В метро. На платформе. Девушка. Бледная кожа лица, черные волосы, каре, черный брючный костюм, лакированные туфли, красные губы. Ела зеленое яблоко. Рассвирепел, вырвал яблоко у нее из рук и швырнул об стену. Убежал без оглядки.

Забыл сказать ей, что мы не живем на самом деле. Всё вокруг – злобная шутка демона. Подозреваю, что мы еще встретимся с ней. Я встречаю ее всюду в разных обликах. Она узнает меня сразу, а я некоторое время стою в растерянности... неужели снова она?

– Проказник! – улыбнулась старушка, которую я чуть не сбил с ног, убегая с платформы. Голова-одуванчик высунулась из-за колонны слишком неожиданно.

– Добрая старушка, – протараторил я, – простите меня сейчас же и передайте этот конверт той единственной...

Старушка коротко кивнула и убрала конверт в карман серой шерстяной жилетки на пуговицах. Я побежал дальше. Где-то вдалеке послышался звон шпор. Еле слышно, словно бы и не наяву.

* * *

В метро пассажиры, а я чешусь, когда мне жарко. Пассажиры смотрят, а я смотрю на них в ответ, облизывая пересохшие губы. Начинаю прищелкивать зубами от недовольства и вдруг улыбаюсь во всю ширь. Теперь недовольны они, отворачиваются. Смысл их жизней, о котором они не догадываются, – мучить меня.

* * *

Делать подобные записи в нашем прагматичном и насмешливом веке! Ну разве не Дон Кихот, живущий в моей душе, вдохновляет меня на это?!

* * *

Прошло много месяцев. Я вышел из супермаркета и дошел до скамейки неподалеку. Был осенний вечер. Желтые листья срывались с деревьев, летели мне под ноги. Я достал из рюкзака бутылку вина и внимательно посмотрел на нее. Долго не мог решиться купить, двадцать минут выбирал что-нибудь подешевле, но купил эту.

Я только моргнул... я схватил бутылку за горлышко и со всей своей ненавистью, с этой вялой надорванной ненавистью, швырнул ее об асфальт. Перепачкал кроссовки и брюки. Людей вокруг было мало, но они были... я только развел руками и улыбнулся: «Так уж вышло, понимаете...» Я этого хотел, но этого я не планировал...

* * *

Неловко и стыдливо, согнувшись пополам, качал головой из стороны в сторону, собирал стекла и бросал их в урну.

Купил еще одну. Такую же. Долго гулял в тот вечер по парку Александрино, и каждый глоток был мне в радость.

В кустах, мне показалось, притаился человек в полицейской форме...

* * *

– Когда рядом никого нет, я пинаю стены в метро, я тихо, но с надрывом кричу: «Несправедливость!» Слушай, а ты-то как протестуешь против бессмысленности существования?

– Ну...

– Стой! Он – скользкий лицемер, таких тебе банальностей наговорит про «наполнение своей жизни смыслом», что придется утирать блевотину с подбородка... салфеткой, на которой ты сейчас пишешь.

И вот. Послышалось бормотание... Действительно, зря я спросил.

– Что-нибудь еще будете заказывать?

– Да, буду, еще бутылку такого-то безалкогольного пива, пожалуйста.

* * *

Слово «буду» использовать редко, слово «стану» использовать взамен слова «буду», пока не перехватит дыхание.

* * *

Ночью. Наденешь маску для сна, а все равно чувствуешь их присутствие. Так только хуже. Тогда снимаешь. Тени людей в старинных плащах, тени забираются на стены, проплывают по

ним... и соскальзывают, замыкая круг. Звон в ушах и неразборчивый шепот. Такой хоровод транквилизаторами не остановишь.

Маленькая птичка шуршит в углу комнаты, она выискивает что-то в книгах... своим клювом... А хоровод плащей захватывает меня все сильнее... Ладно, хорошо... Неожиданно для себя я прыгаю с кровати, пытаюсь схватить главного призрака за горло. Но я уже на полу. Плечо болит. Они кружатся надо мной. Я спрятал лицо в прикроватный коврик. Мне надоело. Нейролептиков я не хочу. Не хочу, это точно.

* * *

А ведь хочу. Не просто так я влез с этим своим «это точно».

* * *

Мне теперь очень больно. Все время. Я не могу смотреть в человеческие лица.

* * *

Биполярное аффективное расстройство. Нервная система – жутко представить! А как следствие – болезни тела. Боль в животе, боль в пояснице. Боль в любой части тела. Полдня болит мизинец на руке, полдня – шея. Утром болит ступня, а потом проходит. Болит ухо, в глазах давление. Колено болит месяцами, и я сильно хромаю. Мне тридцать один год, но как я устал!

* * *

Утром я поехал в загс, чтобы получить новое свидетельство о рождении взамен ветхого. По дороге я чуть не потерял сознание от недосыпания и тревоги. В моей голове вспыхивали образы: вот мне хамят в одном из этих проклятых кафкианских кабинетов, а я проглотил все слова, и свои, и чужие... Тело обмякло, ноги похолодели.

В кабинет я зашел уже в предобморочном состоянии... что-то спутанно пытался объяснить... но сотрудница была так терпелива, спокойна, доброжелательна, что в конце концов я успокоился и заполнил форму.

Я вышел со слезами на глазах от чувства и от мысли, что здесь, в этой стране оголенного нерва, когда-нибудь все сотрудницы и сотрудники могут стать такими.

* * *

Гневливая мания – непревзойденный критик, она подсвечивает каждое фальшивое слово. Если бы я сейчас находился в гневливой мании, то из-за слова «непревзойденный» мне пришлось бы разодрать себе кожу лица ногтями. И это еще при условии, что я сумел бы открыть блокнот и записать в него слово «непревзойденный».

* * *

– Ну, тут он мне и говорит: «Слово должно быть как звонкая пощечина! Запомни это и не обращай свое слово к пьяной скотине. Все равно не очнется».

– А ты что?

– А я задумался. Голос этот, конечно же, прав. Но прав лишь отчасти. Он, как и всегда, односторонний и категоричен. Его интересует эстетика. Приторная, самодовольная. Впрочем, это ничего страшного.

* * *

У меня звенит в ушах. Два месяца, три месяца. Каждый день. А ночью особенно.

* * *

Бойся всего на свете. Человеческой мимики, звуков с лестницы, лая собак. Он любит ураган. В детстве, летом. Выбегал на улицу и бежал вместе с ветром, и ветер толкал его в спину, сбивал с ног... Но он вставал, смеялся, глядя в почерневшие небеса, и бежал дальше. Однажды ветер швырнул перед ним вырванное с корнями дерево. Он был в тайном восторге. О такой жизни он и мечтал!

* * *

Удовольствие от страдания омрачается осознанием сути этого удовольствия. Кто же согласится стать рыцарем печального образа, четко осознавая, что это типичный жизненный сценарий миллионов людей. Соглашаются обычно по незнанию.

* * *

Описывать страдания на манер Бодлера или Томаса Де Квинси в наши дни, конечно же, можно. Красиво говорить о галлюцинациях – это тоже доставляет удовольствие. Но я бы все-таки добавил и про боль в заднице. То есть я хочу сказать: когда комната ходит ходуном, а голоса шепчутся у тебя за спиной, это не отменяет сопутствующей физической боли в специфических местах. Но! Сдается мне, что даже заявление про боль в яичках и спазмы в заднице не обладает достаточной силой для деромантизации ментальных расстройств.

И еще. Можно романтизировать брюшной тиф или дифтерию. Для этого нужно односторонне, как обычно и делают, с позиции эстетики изобразить душевные муки, возвышенные чувства и тайные надежды больного брюшным тифом или дифтерией. Но делать это нужно хоть и односторонне, а все-таки искренне.

* * *

Но я не сильно протестую против романтизации ментальных расстройств. Куда деваться, иной раз приятно почувствовать себя таинственным, необычным... А вот против стигматизации я протестую отчаянно... насколько хватает отчаянности. Это ты брось! Брось, тебе говорят!!

* * *

Проснувшись, я услышал их разговор. Они пили чай и курили индийские сигареты.

– Ментальный эксгибиционизм! – заявляю я. – Другого пути для современной литературы не вижу.

– Другой путь, конечно же, имеется – тут ты неправ, – вот только в ином случае есть риск, что слова «писатель» и «интеллектуал» окончательно разойдутся, каждый по своему пути.

– По-твоему, задача современного писателя – быть кем-то вроде психотерапевта для масс?

И тут он, разумеется, промолчал.

* * *

– Разве не следует после «и тут он» изобразить некое действие?

Он и тут промолчал.

* * *

Что такое мыслитель, ищущий и не находящий смысла своего существования? Это бездомный, говорю я вам. Он мерзнет, господа! Страдает от голода и отверженности.

А что такое мыслитель, живущий со смыслом жизни? О, этот, обитающий в таком уютном гнездышке! С бодрой красной мордой он лишь изредка, слегка приоткрыв дверцу своей натопленной избушки на курьих ножках, с пугливым интересом выглянет на мороз и смеет заявлять, что познал природу зимы! Нет, приятель, поживи-ка ты без смысла в то самое время, когда он тебе во как нужен!

* * *

Он всячески сопротивлялся наличию в жизни какого-либо смысла, считая его грубо расписанной ширмой для тех, кто боится бездны самопознания.

«Наивно было полагать, что, лишив себя воздуха, я смогу добраться до серьезных глубин», – думал он позднее.

С другой стороны, во времена «думал он позднее» он еще не знал настоящей мании, а ведь она-то как раз все и меняет. Это она может породить, а может и низвергнуть любые, даже высшие смыслы.

* * *

Как человек, не раз наслаждавшийся удачной маниакальной фазой, могу твердо стоять на том, что счастливая жизнь без высшего смысла не только возможна, но и куда приятнее жизни с иными высшими смыслами. Высший смысл необходим тем, кто не сумел примириться с конечностью существования и тревогой, вызываемой присутствием смерти в их жизни.

* * *

Как человек, не раз побывавший в депрессивной фазе, могу твердо стоять на том, что маниакальная фаза рано или поздно заканчивается. Вот в чем соль!

* * *

А как, по-вашему, рождаются шедевры, без мании, что ли? Да вы с ума спятили! Вы просто обделены божественным безумием!

Или вы тоже немножечко того? Тогда что ж, вот вам моя рука... приятно познакомиться, я тот, кто изображен на картине! И вы там тоже изображены... как говорится, дайте время...

* * *

За что я люблю образ: он проникает в сознание легче, чем самая стройная логика.

За что я не люблю образ: он легче, чем логика, обманывает сознание, когда выступает не как иллюстрация доказательства, а как само доказательство. Особенно когда сознание не прочь обмануться.

* * *

От этих голосов у меня началась изжога. Но я продолжаю записывать.

* * *

– В метро я крикнул: «Эй ты, кровожадный дух никчемной толпы, ты сам-то себе хоть веришь?!» и карикатурно помахал кулаком.

* * *

Андре Жид попытался доказать, что [а какой сейчас год?] для человека не аномалия, а вещь вполне естественная. Так это или не так, я не знаю, но я знаю, что зашел бы с другого конца. Учитывая количество видов и тот факт, что сознание – в самом простом и привычном смысле слова – есть только у человека, можно смело утверждать, что сознание есть аномалия, есть вещь противоестественная. Также можно утверждать, конечно, уже не так смело, что сознание – страшное извращение и преступление против природы. И тем не менее никто не спешит избавиться себя от сознания.

* * *

Однако с последним утверждением можно поспорить. Как-то неловко вышло...

* * *

Обычно к природе апеллируют люди, не знакомые со значением слова «культура».

* * *

За что пострадал Радищев? За здравомыслие...

* * *

Среднестатистический человек настолько сильно боится потерять лицо, что всегда носит маску. А истинное лицо тем временем атрофируется за ненужностью. Самые любопытные экземпляры умеют вылепить маску, поразительно похожую на их некогда истинное лицо. А истинное лицо тем временем атрофируется за ненужностью.

* * *

- А ты сам тоже среднестатистический человек?
- Вот же ты падлюга такое спрашивать!

* * *

Человек хочет услышать, что дважды два – красиво. Чаще, что дважды два – уродливо. Еще чаще, что дважды два преступно и должно быть запрещено! Редко какой человек хочет услышать, что дважды два – четыре.

* * *

30 марта 2019 г. на *Bipolar Fest* в лофте Голицын Холл я смотрел на людей, но чувство принадлежности так и не обрел.

* * *

С пометкой «ДСП». Читатель любит, когда ему изображают крайности близкие его сердцу, но когда крайности выходят за пределы его широты взглядов, он возмущается.

* * *

С пометкой «ДСП». Умный читатель – тот, кто интуитивно чувствует, где его хотят подловить, а где стоит вспомнить слова Ницше: «“Это не нравится мне”. – “Почему?” – “Я не дорос до этого”. – “Ответил ли так когда-нибудь хоть один человек?”»

* * *

- Так. А когда же начнется обещанный ментальный экстазицизм?

– Ничего я тебе не обещал, чучело! Ты что там удумал? По-твоему, мне следует снять исподнее? Иные бумагомаратели, вон, и обуви-то снять не желают, забираются в грязных башмаках прямоком на постель к своему доверчивому читателю. Полагаю, они опасаются, что запах их ног и вид дырявых носков – вещь непереносимая для такого нежного создания, как современный читатель... А ты хочешь, чтобы я, не прячась за могучими плечами героев, вот так запросто взял и снял с себя последнюю пижаму? Да я и шляпы перед тобой не сниму в таком случае!

Нависло тягостное молчание. Прошло время.

* * *

Ну, так и быть, я расстегну верхнюю пуговку. Все-таки ты мне не чужой человек. Смотри. Иной раз я, писатель, чрезвычайно и до усрачки драматически боюсь твоего мнения, мой добрый друг и поделщик!

* * *

Ну что, пришел в возбуждение твой ум? Или твои чувства? Хочешь сказать, что нет? Если так, то ты не стесняйся своей литературной фригидности. Или же ты начитался де Сада и Захер-Мазоха – а еще лучше, Достоевского, – и теперь тебя возбуждает что-нибудь этакое? Одной пуговкой здесь не обойдешься?

Послушай, Санчо, мне уже осточертело перед тобой оправдываться!

* * *

Непременно следует романтизировать мучающие меня спазмы в кишечнике. Это нужно для того, чтобы говорить об этом не только без неловкости, но и с гордостью. В этом смысле я соглашусь с Виктором Франклом: «Занять правильную позицию!»

А вообще, я хочу, чтобы каждый мог почувствовать гордость, говоря о своих «спазмах в кишечнике».

* * *

Знаешь, Санчо, похоже, мы действительно сбились с пути. Ты случайно не помнишь, ради чего я обустроил наш нынешний выезд? Кажется, помимо всего хорошего я собирался поведать тебе историю души человеческой... Впрочем, это не так важно, ты и без этой истории не пропадешь, ведь, как я погляжу, ты не такой уж болван. Иной раз Аристотеля да Платона почитываешь. И даже, что куда показательнее, Фрейда и Адлера умеешь вспомнить, где следует и где не следует, а одно время, мне добрые деревенские дурачки напели, ты и к Симоне Вейль в гости заходил. Но вот только идет ли тебе это на пользу, Санчо? Как поживает твой жекатэ? Все-таки у тебя нездоровый цвет лица. Должно быть, ты проглотил какую-нибудь протухшую гадость. И знаешь, Санчо, что самое смешное? Самое смешное, Санчо, что чем современнее, тем быстрее портится. И редко бывает иначе.

* * *

Хороший писатель заставляет прозреть слепого, и уже зрячего, увидевшего весь ужас существования, он утешает.

* * *

– Ты правда думаешь, что хороший писатель должен кого-то утешать?
– Не должен. Это скорее побочный эффект литературной деятельности хорошего писателя.

* * *

Санчо, в наше безумное время я вынужден еще пояснять, что я подразумеваю под утешением?! Подумать только! Прочь! Прочь отсюда!

* * *

Придя домой, я первым делом сходил в туалет... В задумчивости я долго намыливал левую руку правой. И тут я услышал голос рыцаря: «В современной Оссиании тоже есть литературный мир, и он тоже часть современной Оссиании». А потом голос добавил: «Это ведь тоже по-своему приятно, Санчо, когда рука руку моет... Но это не достойно рыцаря».

* * *

Когда вещи становятся предельно ясными, они попросту перестают существовать. Они превращаются в цифры. Другое дело, когда предельно ясные вещи пытаются разбить тебе лицо, а ты уворачиваешься и убегаешь сломя голову. С большим-то коленом...

* * *

В те дни совсем не хочется спать, не хочется есть. Мне ничего не нужно. Достаточно слышать тишину своих мыслей. Я слышу тишину и чувствую бесконечность своих сил в данном моменте, который, кажется, никогда не закончится... Те дни называют маниакальным эпизодом. Мое счастье лечится медикаментозно. Я спрашиваю себя: «А может быть, прав я и есть способ остаться навсегда в тех днях?» Но всякий раз я падаю вниз, от удивления я замираю... а осознание конечности всего живого и ощущение неповторимости каждого момента приводят меня в ледяное оцепенение.

Я спрашиваю себя еще: «А Сиддхартха Гаутама, живи он в наши дни в этой части света, не был бы и он вылечен от своего просветления медикаментозно?»

* * *

Современная фармакология. И вот я который год скольжу по поверхности, с обидой всматриваюсь в толщи воды, вместо того чтобы изучать глубины. Но без современной фармакологии я, судя по всему, лежал бы сейчас, придавленный этими толщами.

* * *

Лежал бы сейчас на дне озера.

* * *

Что меня удивляет в религиозных мыслителях, так это их стремление к логическому обоснованию доктрины. Зачем? Если утверждаешь без доказательств, что существует фундамент некоего величественного здания, то почему бы не распространить это утверждение на все здание?

* * *

Если оставить в стороне лукавую ухмылку, с которой были записаны предыдущие строки, то не трудно догадаться, зачем тут нужна логика. Когда теоретически доказано, что существует восемьдесят этажей небоскреба, то гораздо легче забыть, что все доказательства, этаж за этажом, опираются на тот самый фундамент, существование которого было принято без доказательств.

* * *

Христианские религиозные мыслители традиционно принимают в качестве аксиомы не только существование Бога, но и то предположение, что он так или иначе есть благо для человека. А если принять только само существование?

* * *

Почему человек достоин блага больше, чем, например, крокодил? Я задаюсь вопросом: «Возможно, все вокруг устроено во благо крокодилам, просто мы пока что не в курсе?»

* * *

Мы едим животных, поскольку так привыкли, поскольку наша мораль этого не запрещает, поскольку животные настолько интеллектуально ниже нас, что просто смешно...

Далее сделаем допущение. Итак, завтра появляются какие-то там инопланетяне, которые едят людей, поскольку так привыкли, поскольку их мораль этого не запрещает, поскольку человек (физиологически тоже животное) настолько интеллектуально ниже их, что ну просто смешно...

* * *

Еще можно сделать допущение, что человечество существует во благо этих каких-то там инопланетян.

* * *

Допускаем мысль дальше. Земля – большое фермерское хозяйство, а тот, кто есть фермер, бережет человеческое стадо и собирает урожай для своих любимцев, каких-то там инопланетных гурманов. Животные ведь тоже не осознают самой смерти. Еще они не осознают, чем им грозит наличие фермера, особенно учитывая тот факт, что фермер кормит и их тоже.

* * *

Несомненным остается тот факт, что фермер старается быть благом для своей семьи. И вот тут возникает вопрос: а может ли стадо быть частью семьи фермера?

* * *

Тот, кто возомнил себя сверхчеловеком, может посчитать, что имеет такое же право... [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [а какой сейчас год?], [Пиздец! Это «а какой сейчас год?» – это просто... Это просто пи... ну... а какой сейчас год?].

Кто-то может заявить, что их превосходство было мнимым. Хорошо, а если бы оно не было мнимым, тогда бы ты согласился с утверждением?

* * *

Впрочем, слаб человек, и не мне требовать невозможного. Я и сам иной раз, знаете ли... двойные стандарты – рыльце в пушку... Ну, простим мы меня, читатель? Или как?

И я раздраженно откину ручку, дописав это предложение...

* * *

Не мне требовать невозможного, я ведь не апологет невроза, как некоторые (потом скажу кто), я апологет психоза, как некоторые (не скажу кто, но сами можете догадаться).

И я снова откину ручку, дописав это предложение...

* * *

– Санчо, иные речевые конструкции, встречающиеся в нашем рассказе, напоминают мне человека в смокинге, оказавшегося вдруг в грязном троллейбусе.

– На такие случаи, сеньор, у меня в котомке всегда найдутся для вас мятые джинсы да кенгуруха.

– Браво, Санчо!

* * *

– Что такое рядовой пассажир, Санчо? Рядовой пассажир, Санчо, есть тот, кто принимает свое частное мнение за истину, в то время как, если копнуть на два вершка вглубь, становится очевидно, что у рядового пассажира нет даже и частного мнения, у него есть лишь мнение машиниста электропоезда. И вот за это мнение рядовой пассажир удавит тебя, Санчо, как гуся. А может быть, даже как утку. Мы же с тобой, Санчо, дабы иметь возможность ну хоть одним глазком... для того мы и путешествуем: я – на Росинанте, ты – на своем Сером.

– Я бы не отказался, чтобы нас подвезли на такси, сеньор.

– Ах ты!..

* * *

– Ты спрашиваешь, Санчо, кто такой современный литератор? Пассажир ли он или же странствующий рыцарь? А может быть, он машинист электропоезда?

– Я не спрашиваю.

– Отвечу тебе, Санчо. Современный литератор видится мне все-таки скорее пассажиром. Нет, он, конечно, пытается время от времени выбить машиниста из кабины и занять его место. Иногда даже с благими намерениями. Вот только довольно быстро выясняется, что управлять поездом он не умеет. И тут вновь появляется таинственный призрак машиниста.

– Сеньор, но это все же удобнее, чем ездить верхом.

– Удобнее, Санчо! В этом и есть вся подлость ситуации. Я уже весь зад себе натер, покачиваясь в седле! Где там твое проклятое такси?

– У нас на такси нет ни единого... а какая у них тут валюта?

* * *

Пассажиры религиозно-философского вагона чаще других приватизируют истину. Ацтеки тоже были уверены в своем видении мироустройства.

* * *

Итак, я говорю, если Бог есть и он добр, то ты, разумеется, на его стороне. А если Бог есть и он не добр, если он такой, каким его видели ацтеки? Тогда ты на его стороне?

* * *

Он полагает, что это простой вопрос. Ему что, лень напрягать мозги и трепать себе нервы? А если еще глубоко, до костей, прочувствовать гипотетическую ситуацию, когда праведник – вещь неприемлемая в том мире. И притом ты как бы праведник. Что тогда тебе делать?

* * *

Нам всем нужно успокоиться. Выйти на воздух. Поздно ночью.

* * *

Это розовое свечение в окнах скрашивает пасмурные петербургские вечера. И кажется, что вокруг сплошь публичные дома да притоны. Но я никогда не был в публичном доме.

* * *

Слово «бордель» тоже ласкает слух.

* * *

Кто там схватил брошенную мной ручку? Я очнулся... и... кажется, чувствую себя неловко...

* * *

Я притворился спящим, но я подслушивал их разговор...

– Признаться, что ты трус, – смело. Признаться, что ты глупец, – умно. Признаться, что считаешь себя достойным Нобелевской премии, – глупо.

– Почему глупо, сынок?

– Ну, дядя, за нескромность у нас ругают очень. Могут быть даже насмешки и другие виды вербальной агрессии. Могут притом еще и самой премии не дать. Особенно если потребуешь.

– Правильно, сынок. Когда вырастешь, всегда будь скромным, как Достоевский.

– Но разве он действительно был скромным?

– Ты опять за свое?! Сучий отрок! Противоестественный сын!

* * *

Эвфемизмы – отстой.

* * *

– Санчо, в последний раз тебя предупреждаю: мне осточертело перед тобой оправдываться!

– И что с того, сеньор? Мне тоже много чего осточертело. Например, что вы так часто выставляете себя идиотом. А заодно и меня. Но я не ропщу, а ведь я даже не рыцарь.

– Твоя правда, Санчо. Хорошо ты меня пристыдил.

И тут, пристыженный своим оруженосцем, он впервые в жизни повесил голову.

* * *

Тот, кто считает, что существуют некие обязательные к прочтению книги, прочел не все обязательные к прочтению книги.

Тот, кто считает, что существуют некие обязательные к прочтению книги, плохо считает.

Тот, кто считает, что существуют некие обязательные к прочтению книги, – не замечает своего самолюбования.

* * *

Вагон метро. Он смотрит на плакат «Давайте говорить как петербуржцы». Секундная стрелка на его наручных часах жестока, она не знает пощады... и вот проходят минуты – целые минуты! – ускользающие, но бесконечные... прочувствованные, бурлящие нарастающим напряжением в груди, в животе и особенно в солнечном сплетении... а он все не может отвести взгляд. И вот декорации рушатся, и мы слышим: «Себя не помнящие снобы! Сдурели вы вконец и не на шутку!» – а по потолку бежит гигантский черный паук, которого мы видим исключительно боковым зрением. Но насколько отчетливо!

* * *

Сколько же ночей он не спал?!

* * *

И грянул гром.
И вспышка молнии озарила тьму.
И дрожь пошла по телу.
Он понял все.
О, несчастные идиоты! Слепцы! Антропоморфные крокодилы! В одно и то же время.

* * *

Мы сказали об «обязательных» к прочтению книгах, но недостаточно было сказано. Нет никаких обязательных к прочтению книг, к одному и тому же каждый придет своим путем, а чужим – никогда.

Самое главное в жизни мы вначале просто осознаём, внезапно и целостно, а уже потом появляются необходимые слова и находятся книги.

* * *

Так ли хорошо греют старые сырые дрова?

* * *

Великих писателей создает наивный читатель. Но как приятно иной раз быть наивным читателем!

* * *

Очнулся. С последней записи прошло несколько дней. Несколько дней я пытаюсь изгнать из головы суетливые голоса, среди которых с трудом различаю свой.

Смотрю на солнце на набережной. Дюжина злобных бесов внутри. Смотрю на солнце. Полдень. В глазах стоят слезы. В этот солнечный день я вынужден убеждать себя, что утопиться в Неве – по многим причинам глупо.

* * *

Ночью. Череп, нарисованный восковыми мелками на обоях, вылезал из стены, прогуливался возле кровати. Каждый предмет в комнате жил сам по себе: книги уплывали за шкаф, мой рюкзак превращался в черного недовольного кота, кровать сползала вниз по направлению к окну, шторы плясали и истерично меняли узор. Под кроватью копошился опоссум. Иногда он возникал у моего лица, шекотал мне усами щеки, а затем царапался...

Раньше было интересно понаблюдать, теперь утомительно. Мне бы поспать хоть одну ночь.

* * *

Позавчера ночью вернулись и слуховые галлюцинации. «Вилли, Вилли! Что стало с Вилли?..» Фу, не хочу об этом вспоминать, я не за тем доставал из рюкзака блокнот.

* * *

Я не могу ехать в метро сидя – у меня боли в кишечнике.
Я не могу ехать в метро стоя – у меня темнеет в глазах.
Я покрываюсь потом, и звон в ушах не проходит.
Ни дня без звона в ушах.
Я не могу ехать в метро стоя, но все-таки приходится.

* * *

Когда я только учился распознавать скрытые причины своих поступков, передо мной, по обыкновению, возникало несколько вариантов, и я почти всегда выбирал тот, который выстав- лял меня в худшем свете. С одной стороны, я получал в наказание чувство вины, но с другой – я получал в награду прекрасный повод для самолюбования: «Ах, как умен, как умен! сумел обличить в себе низость!» С годами это вошло в привычку. Сколько же клеветы я, неотомщен- ный, принял на свою грудь?!

* * *

Вернемся к нашим гипотетическим рядовым пассажирам. Почему рядовой пассажир отрицает, что общество крайне враждебно настроено к любым проявлениям себя? Почему зачастую он даже не понимает, о чем идет речь?

Рядовой пассажир настолько затравлен такими же рядовыми пассажирами, что при- нимает примитивные поведенческие паттерны, навязанные ему враждебным обществом, за истинные проявления себя. В этом смысле у рядового пассажира, разумеется, не возникает трудностей с проявлениями такого «себя».

* * *

Отношение к человеку: интерес → страх → ненависть → презрение → равнодушие → равнодушие с примесью сочувствия → сочувствие.

Я беспорядочно скачу между этими станциями. Но важно прочувствовать и понять каж- дую, иначе рискуешь так и остаться улепетывающим безбилетником.

* * *

Пытаться мыслить, не порывая с обществом, сложнее, чем пытаться мыслить в отшель- ничестве. Чтобы хорошенько это себе уяснить, следует хотя бы год-полтора не выходить из дома.

Мыслить свободно, оставаясь среди людей и не скрывая своего свободомыслия, – о-о! для этого хорошо бы иметь здоровую психику. Человеку с больной психикой свободомыслие обходится катастрофически дорого. Много ли тебе расскажет слово «тревога»?

* * *

Внутренний экзекутор вытатуировал на моей душе вопрос: «Да кому это все надо?!» Много ли тебе расскажет слово «стыд»?

* * *

Есть мнение, что в Оссиании люди равнодушны друг к другу. Лично я согласен с этим мнением лишь отчасти. Пока ты соблюдаешь тысячу негласных правил и ритуалов, к тебе действительно равнодушны. Но стоит только выразить непопулярное мнение, что с Королевской горой в 1946-м поступили жестоко, и тут же равнодушие трагически погибает.

У масс равнодушие всегда довольно специфическое.

_____ мая 2019 г.

* * *

Казань, ул. Энергетиков, д. 5.

Вот уже два дня я мысленно оправдываюсь перед кое-кем, в действительности не существующим. Любая нестерильная мысль должна быть распакована, объяснена и стенографирована. Не должна быть упущена ни единая деталь. Этот кое-кто требует, чтобы я не исказил и малейшей безделицы.

Бурбон! Бурбон! Я оглушаю его бутылкой бурбона. И вот он положил голову на барную стойку и задремал...

* * *

Фасолевый суп готов, на лестнице им пахнет больше, чем в квартире. Я тут четвертый день, а так ничего и не увидел. Завтра я, может быть, посмотрю Кремль.

* * *

Посмотрел Кремль. От ветра болят уши.

Конец мая 2019 г.

* * *

В поезде «Казань – Санкт-Петербург».

Пьющие люди в старых голливудских фильмах выглядят в некоторой степени романтично. Я думал об этом, глядя на буйных алкоголиков, ехавших со мной в одном вагоне. Тайком я поглядывал на них и пытался и в них разглядеть эту же романтичность.

Не вышло.

Вероятно, люди будущего, для которых эти буйные алкоголики не будут составлять часть их реальности, смогли бы.

Дело в том, что золотой век может существовать только в прошлом.

* * *

«В Оссиании они боятся получать удовольствие от проявлений себя. В Оссиании они боятся об этом даже подумать...» И тут он перехватывает инициативу, он спрашивает: «А ты что, не боишься?» Другой «он» только устало махнул рукой.

* * *

Послушай, моя книга – это мой мир. Пока ты в моем мире, будь добр, веди себя прилично. Надень сменную обувь или хотя бы бахилы. Когда ты покинешь мой мир, тебе, вероятно, захочется позубоскалить. Возможно, тебе даже захочется напасть на мой мир. Но это уже меня не касается.

«Это каким же подонком надо быть, чтобы напасть на мой мир?!» – возмущается парнишка с картины зрительного зала. И он прав. И снова звенят шпоры!

* * *

В детстве отец часто говорил, что я должен благодарить диван в тетиной квартире и тетю, которая вовремя ушла в магазин, за то, что я появился на свет. И тогда я начинал мечтать о путешествиях во времени: мне хотелось вернуться в прошлое и сжечь диван.

* * *

О детстве я пишу неразборчивым почерком, с ошибками. Как тогда, раньше.

* * *

Санчо, хороший писатель всегда природный сюзерен своего читателя, а не наоборот. Но в темный век социальных сетей и иных дьявольских искушений все больше крестьянских отпрысков считают себя вправе учить рыцаря ремеслу благородного воина. Теперь и ты, Санчо, если пожелаешь, можешь гордо восседать на породистом скакуне и в оскорбительной форме утверждать свое мнение. За это, увы, нынче не вешают.

* * *

Полицейский: Не следует слишком часто опираться на «впрочем».

Демон: Следует сколь угодно часто опираться на «впрочем». Иначе как же я смогу сделать «ха-ха!»?

Бармен: Вопрос решен коллегиально, никто не в обиде.

Я: Вот это сейчас неожиданно было.

Также я: А какой именно «я»?

* * *

Данное произведение будет интересно узкому кругу моих читателей. Чужому читателю здесь не рады. Ты ничего не поймешь, останешься недоволен. Я гоню тебя прочь, чужой читатель, я замахваюсь на тебя метлой! Веником! Помойным ведром! Прочь! Это последнее предупреждение!

* * *

А далее он замолчал. Он уснул, счастливец! И теперь мне расхлебывать эту кашу. Что я теперь стану делать? Сейчас я положу под язык две таблетки феназепама, утром напечатаю последние записи. Я воспользуюсь ноутбуком.

* * *

Метро. Пассажир, заходя в вагон, расталкивал других пассажиров, а меня больно ткнул локтем в спину. Я стал негромко ругаться: «Сволочь! Старый паршивец! Это же просто гад какой-то! Я слаб, еле стою на ногах, а он... негодяй! Вот кто! Как еще такого назвать?!» Люди стали оборачиваться, и я замолчал.

Две остановки спустя. На поверхности.

Я надел солнцезащитные очки и четыре минуты преследовал негодяя по Среднему проспекту. Он трусливо озирался, идя по противоположной стороне, а я не сводил с него глаз в солнцезащитных очках. Но затем мне пришлось зайти в кафе, чтобы справить малую нужду, а когда я оттуда вышел, след негодяя уже простыл. Если бы не это, то я, возможно, показал бы ему, что не стоит связываться с человеком, у которого намечается гневливая мания.

Ах! В своих мечтах я пнул его ногой под зад.

* * *

— А если у него тоже гневливая мания намечалась?

— Да пошел ты к дьяволу с такими вопросами! Я мечтательный человек.

* * *

Как тебе понравится слово «грезы»?

* * *

Хорошо, когда можно запланированно избавиться от себя на вечер. Таблетки кладешь под язык, говоришь себе: «Я устал от тебя, от твоей маниакальной клоунады. Мне больше не о чем с тобой говорить. Прощай! Увидимся утром. Руку можешь не пожимать».

* * *

Сегодня в оссианской литературе мы видим литературных умников и литературных тупиц. А куда пропали безумцы? В каких норах сегодня прячутся эти блаженные? Не одному же мне освещать зимнюю ночь костром своей ядовитой внутренней жизни!

* * *

Тридцать минут назад я хотел заползти под кровать в надежде спастись от тревоги, теперь же я чувствую себя неуязвимым, необычайно могущественным... В зеркале я увидел некоего Мортидо... знаешь, у него кое-что на уме... Это ужасно. Я говорю «ужасно», но чувствую себя превосходно. И это ужасно.

* * *

Июнь. За окном 29 градусов.
Пять ночей без сна.
Атаракс не помогает уснуть, придется вернуться к феназепаму. Плохо.
И на этот раз будет лекарственная зависимость.
В аптеке я стою в очереди, чтобы купить транквилизатор и новый антидепрессант.
Человек передо мной кашляет.
Фармацевт долго разглядывает рецепты. Тоже кашляет.
Вечером я с заложенным носом. Две таблетки феназепама не помогают уснуть.
Утром кашель и диарея.
Что я вообще такое?

* * *

Я прочитал это стихотворение знакомой, и она рассмеялась. Читатель, неужели это и правда смешно?

* * *

Итак, в этом тексте нет четвертой стены. Как бы нам разрушить и третью?

* * *

Вскрытием приемов... Но действовать следует аккуратно, потому как, если у произведения имеется крыша, она может обрушиться прямоком на голову автору.

* * *

О второй стене я вообще молчу.

* * *

В надежде на сон. Прошлой ночью я принял три таблетки феназепама. Не помогло.
Я снова наблюдал танец теней в плотном воздухе комнаты. Чуть отпустишь удерживающую меня на плаву мысль, любую мысль – и слышишь каждое слово, всплывающее, словно оживший утопленник, из этого юнгианского моря...

«Оставьте меня в покое, вы меня слышите?!»

Три – уже мало.

* * *

Утро.

Невероятное недосыпание. Ненависть.

Надвигающийся психоз.

Нейролептик неотвратим.

«Неотвратим?» – послышался голос.

* * *

Ночь.

Что я могу сказать?

Три таблетки феназепама.

Этого не хватит, чтобы уснуть.

Еще одну кладу под язык.

Уже кое-что.

Неделю не спал. Или уже больше недели.

Какой сейчас день? Месяц? Год? Вспоминаю не сразу.

А вот и долгожданный сон. Это же он? Правда?!

* * *

Много ли надо для счастья. Сделать запись в блокнот и уснуть.

* * *

День за днем, с утра до ночи меня словно током прошибает, я вдруг чувствую, ощущаю своим телом странность и как бы ошибочность существования человеческого сознания... Когда угаснет последняя мысль последнего из нас, сколько бы времени на это ни потребовалось, мир, вероятно, перестанет существовать. Возможно, только на некоторое время. И это так болезненно, так болезненно, читатель... Ну почувствуй же наконец! Иначе зачем ты вообще здесь?!

* * *

Первый совет, полученный мной от коллеги на первой неделе моей первой работы, звучал так: «Никогда не говори “я не знаю”, говори “я уточню”». В разговорах о литературе используются иные формулировки, но суть от этого не меняется.

* * *

Мне неинтересны люди, имеющие «свое мнение» по всякому поводу. Мне неинтересны люди, не умеющие сказать «этого я не знаю».

* * *

Боюсь каждого шороха, каждого звука с улицы. Пишу это как бы шепотом, чтобы не привлекать к себе внимания. Весь сжался в комочек, спрятал лицо в блокнот. Не верю, что может быть иначе. Какая мудрость тут может помочь? Кладу под язык две таблетки. Блистер прячу под подушку. Моя прелесть...

* * *

Эпатаж в литературе – это так же несмело, как и отсутствие какой-либо остроты, две стороны, но монета одна и та же. Попытка спрятаться у всех на виду... «Покажи себя! – требует читатель внутри меня. – Ты столько столетий прятался, ты отравил наши реки, осквернил могилы, заасфальтировал наши тайные тропы. И теперь только редкие травинки пробиваются сквозь трещины на этом старом и страшном шоссе».

* * *

У нас в Оссиании много насильников, еще больше изнасилованных. Они находят друг друга и всячески друг другу подыгрывают. Если же человек говорит: «Вы как хотите, а в отношении себя я насилия не допущу», его называют ненормальным. Насильник искренне удивляется, он не понимает, в чем, собственно говоря, проблема, ведь он не привык получать отказ, он считает насилие в отношении другого человека своим естественным правом, а ранее изнасилованные едко замечают, что это и не насилие вовсе, ведь они сами во всем виноваты, наказаны справедливо и просто стали умнее, чего и тебе желают. Да и вообще, давно пора расслабиться и получить удовольствие, а не шуметь из-за пустяков.

* * *

Никак не оставят в покое природу. Все им надо в соответствии с природой, в соответствии с животным началом. Но! Жить на деревьях они отказываются, природу всячески губят.

* * *

Я наблюдал множество изнасилованных людей, которые, разочаровавшись в добром отношении друг к другу, сами становились насильниками. За считанные месяцы человек

менялся до неузнаваемости. И все-таки, заглядывая им в глаза, я видел связанную и спрятанную в подвале сознания жертву.

* * *

Выбор между «привет» и «здравствуйте» может привлечь проходящий мимо психоз.

* * *

Один говорит: «Этот покончил с собой из-за женщины», другой говорит: «Тот покончил с собой из-за финансовых трудностей». Но разве этот или тот хотя бы сам знал, хотя бы смутно представлял, из-за чего он кончает с собой? Когда действительно знаешь – кончать с собой как-то неумно. Надо достаточно долго знать, чтобы знать и притом все-таки покончить.

* * *

Я сторонюсь людей, с показной нетерпимостью ругающих себя за пустяковые промахи. К другим они, если позволяет случай, столь же нетерпимы.

* * *

Наше общество настолько извращено навязчивой идеей всезнания и безошибочности, что человек, открыто и без самоуничтожения признающий свою ошибку, принимается здесь за наглеца. «Нет, вы видели?! Вы видели?..»

* * *

Он протягивает руку, чтобы поздороваться, но внезапно отдергивает ее и нервно бормочет: «Виделись же...» Страх, что вместо руки тебе подадут пренебрежительное «виделись же», заставляет подать эту фразу самому себе раньше, чем это сделает другой. Они ежедневно отравляют друг другу жизнь, даже не отдавая себе в этом отчета. Разве стали бы они травить друг друга, если бы понимали, что делают?

* * *

К слову «конформизм» в оссианском языке мало кто относится с должным вниманием и серьезностью. Виной тому, конечно же, конформизм.

* * *

Называть узко мыслящего человека глупцом бесполезно, он слишком узко мыслит, чтобы это понять. Но если ситуация вынуждает как-нибудь да назвать, то лучше назвать его человеком узко мыслящим, ведь тогда есть шанс, что вечером, перед самым сном, он вдруг призадумается.

* * *

Иной стыдливый муж побаивается выражений вроде «поиск себя» и потому вынужден скрывать свою стыдливость за напускной ироничностью. Иногда, когда потребность в поиске себя преодолевает внутреннее сопротивление, он вдруг находит новое название, чтобы убежать от нападок себе подобных, чтобы уберечься от чувства стыда. Новое название – вот верный признак того, кто навряд ли пойдет по намеченному пути дальше околицы.

* * *

Стоит добавить, что подобная карета довольно скоро превращается в тыкву. Готовы вы продолжать без кареты? Готовы принять тыкву такой, какая она есть?

* * *

От ненависти к человеку спасает глубокое и устоявшееся понимание, что ты в действительности не знаешь, что чувствует другой человек и почему он поступает так или иначе. Ненависть вызывает иллюзия знания.

* * *

– Отчего оссианцы такие злобные, сеньор?

– Бедность и невежество тому виной, друг мой Санчо.

Санчо слезает с осла, подходит к прохожему оссианцу и задает ему тот же вопрос. Оссианец отвечает:

– Вон тот оссианец мне что-то должен, только не помню что. И он против меня что-то замышляет, вот только не знаю что. Возможно, он хочет толкнуть меня в спину в трамвае или же подло и злоумышленно наступить мне на ногу. Все оссианцы замышляют что-то друг против друга, и все друг другу что-то должны. Как тут не озлобиться? Идиот ты этакий! Ты что, чурка, что ли?

* * *

– Не хотел бы я быть оссианцем, сеньор, – сказал Санчо, взбираясь на осла.

– Оссианцам нет дела до себя и нет на себя времени, оссианцы народ высокоморальный. За мораль они легко могут и жизнь отдать, но, как правило, вместо этого предпочитают забирать жизнь чужую, – ответил рыцарь.

* * *

Чтобы писать о внешнем, достаточно иметь информацию об этом внешнем, интерес к нему и свой ум. Чтобы писать о внутреннем, нужно иметь еще и смелость, ведь в таком случае, когда толпа начинает плевать, она плюет не только на твой ум, но и тебе в душу.

* * *

Вчера по указанию врача я увеличил дозу антидепрессанта. Раздражительность – прямое следствие. Это мы уже проходили. Первую неделю лучше ни с кем не разговаривать. Социальная маска спрячет за собой гнев, разрывающий меня изнутри.

Дерьмо! Социальная маска... И термин-то уже как осточертел. И слово «термин» мне надоело. Во рту полно слюны, какая гадость! Просто гадость. Ради чего люди живут? Смехотворно. Кузнечики, ты да я.

* * *

Художественная литература, создаваемая исключительно разумом, есть мертвец. Мертвец может быть красив и ухожен, и на первый взгляд он может даже показаться живым. Сейчас, подсказывает мне не разум, процветает литературная некрофилия. Мне это не нравится, но я, считаясь с разумом, с раздражением в сердце вынужден признать, что о вкусах не спорят.

* * *

«О вкусах не спорят» – уродливые слова. Люди только и делают, что спорят о вкусах. А это «только и делают» – что это за дрянь такая?!

Ну хорошо, выпил таблетку, теперь меня клонит в сон.

* * *

В современном мире все больше людей используют социально приемлемую искренность для достижения скрытых целей. Подобная искренность есть мутировавшее лицемерие. Наши желудки еще не приспособились к подобного рода изыскам.

* * *

Куда подевались рыцарь и Санчо? Больше не слышу их голосов. Я – тот, кто пишет об осени. Таково мое мнение.

* * *

Увеличение дозы антидепрессанта привело к гневливой мании. Две недели я скриплю зубами от злости. Зачем я это терплю?

Психиатр в отъезде. Сегодня уменьшу дозу.

* * *

После уменьшения. Стал менее раздражительным, но теперь, спустя два дня, вернулась тревога. Сейчас я в вагоне метро, еду в «Икею», чтобы купить шкаф. Я простужен. Лица людей вызывают боль в животе. И это при том, что я питаюсь исключительно вареной пищей.

Вчера умер Питер Фонда. Как-то все это подозрительно, не находите?

* * *

Когда смотришь на жизнь трезво, когда вникаешь в ее структуру, осознаешь суть человеческого взаимодействия, возмущаться становится не из-за чего.

* * *

В окне первого этажа адским пламенем горел телевизор.

* * *

А вот когда накапливается напряжение, очень кстати оказывается какой-нибудь информационный повод.

Жутчайшие, первобытные каннибалы!

* * *

– Образованный человек, высмеивающий человека необразованного за его необразованность, как правило, сам недостаточно образован.

– Недостаточно для чего?

– Для того чтобы понять, чем вызвана потребность в этом дурно пахнущем удовольствии третьего сорта.

* * *

Люди возмущены от происходящего в Оссиании, и это говорит о том, что у них до сих пор присутствуют некоторые ожидания. Возмущение, конечно, полезно для эмоционального вовлечения... Будь у меня душевные силы, я бы, не исключено, тоже повозмущался бы всласть.

* * *

Мода на идеальную жизнь в социальных сетях, мода на депрессию в социальных сетях. Стоило бы ввести моду на выражение своих чувств одним словом. Например, словом «плохо». Каждый день постить одно это слово, а когда не останется сил постить, значит, стало плохо.

* * *

Иногда хочется, чтобы слово имело вес.

А иногда не хочется.

* * *

Теперь я с благоговением вспоминаю вечера тех дней, когда я только начал принимать кветиапин. Днем все силы уходили на то, чтобы не заскулить посреди рабочего дня. Когда сил оказывалось недостаточно, я уходил скулить в кабинку туалета. Но каков был мой вечер! Вечером я принимал таблетку и минут через пятнадцать чувствовал, как боль отступает. На

моем лице появлялась прячущаяся в подушку улыбка, а на глазах слезы. Приняв таблетку, я мог хоть ненадолго, хоть на пятнадцать-двадцать минут, пока окончательно не провалился в сон, почувствовать освобождение от боли, от ненавистного себя.

* * *

– Ну что ж, Санчо, наше путешествие подходит к концу. Теперь и ты смог убедиться, насколько хорош в бою твой сюзерен. Как много великанов я одолел, Санчо?!

– Ни одного, сеньор, то были сплошь ветряные мельницы избитых истин.

– Послушай меня, безродный ты негодяй, истина не виновата, что ей приходится жить во времена, в которых ей довелось стать избитой и никому больше не нужной. Самое страшное для истины – стать никому не нужной. А я, мой славный друг, попытался ее хоть куда-нибудь, хоть самому малому числу Санчо, да пристроить.

* * *

Сегодня меня разбудил голос. Он сказал:

– Теперь мне лучше, я прощаю своих врагов. Примечательно то, что они даже не догадываются о моем существовании.

– И кто же они, твои враги?

– Те, кто убили или живьем замуровали демона! И несмотря на то что я простил их, я нанесу удар в самый неожиданный момент!

– Кто ты, голос? Ты мне друг или враг?

– Имя мне Д. Мортидо, я твой друг и соратник.

– Какой сегодня будет день, Д. Мортидо?

– Хороший. Я прослежу, чтобы тебя никто не мучил. А в особенности я.

И тут мы отчетливо слышим звон шпор. На этот раз отчетливо.

* * *

– Речевые штампы! Смысловые штампы! Да я за это убить могу! – возмущается голос.

* * *

У кабинета психиатра. На выходе. Ни разу не возникало желания сделать запись в блокнот.

* * *

Вот что я вам скажу: боль не оставляет места для скуки.

* * *

Зачем этому миру шум волн и пение птиц, успокаивающие меня?

Мои древние предки испытывали те же чувства.

Ответ «случайность» вспыхивает во мне яростью.

Пьяные гопники идут мне навстречу в темноте парка.

Они расступаются, как море.
От ощущения случайности я безумен.
Но кому мне за это мстить?

* * *

Грязные лапы тех, кто уродует красоту, натягивая личину, не утруждая себя познать нутро. Грязные лапы тянутся издалека, но уже достаточно долго. В очередной раз они хотят обворовать и объесть наивных хозяев. Хотят разорить глупых юродивых, хотят пожить за их счет. За улыбкой лапы скрывают свой грязный литературный доллар и страх не учуять тенденцию. Они совсем близко, и кто-то хоть и из последних сил, но должен дать им по рукам. И вот я, Д. Мортидо, заставлю тебя, сытый лицемер, поперхнуться. Как он вообще сюда попал? Олух! Трижды олух! И ничего более.

И тут он замолчал. Он рыцарь гневливой мании, и он кругом прав. Он оглушает нас звоном шпор.

* * *

– Как тебе не стыдно? Выставляешь себя идиотом...
– Мне не стыдно.
– Да это понятно. Но почему тебе не стыдно?
– Какое еще стыдно? Для стыда нужны хоть какие-то силы, а у меня их нет вовсе.
– И не стыдно тебе использовать такие выражения, как «нет вовсе»?
– Что? Пошел ты! На большую мозоль! Мне! Не понимаешь, что ли? Тут игра! Черт тебя дери. Тонкая игра. Намеки! Ты, простофиля!

Вспышка гнева унесла с собой и те силы, которых у меня не было. Что касается психического здоровья, теперь я живу в кредит.

* * *

Ты еще здесь? Мой добрый друг, я сдеру с тебя кожу и буду являться тебе во снах. Там я с тобой и разделаюсь, там ты и узнаешь, насколько неотразим Мортидо!

* * *

А как по-английски будет «отражение»? Забыл...

* * *

И прочитав эти записки, каждый, кто привык оскорбляться, сможет с тайным восторгом оскорбиться настолько сильно, насколько пожелает. Не текут ли у тебя слюнки, сладострастник?

* * *

В зеркале красные глаза бессонных ночей. Я наклонил голову к блокноту и шепчу в него слова, я уже плохо вижу, что пишу... блокнот вместо подушки. Подтянул плед. Сегодня я буду спать. На кровати. В комнате.

Санкт-Петербург, 15 сентября 2019 г.

* * *

Конечно, эти записи можно обвинить в непоследовательности, разгильдяйстве и...

– Что?! – обрывает меня Мортидо. – Кто посмеет? И не побоится моего проклятия? Чуть ли не пятая часть этих записей принадлежит мне! Кто посмеет обвинить их? Покажись, трусливый подлец! Я проткну тебя шпагой! Понятно тебе? Слизняк! Я, Д. Мортидо, веками отправлял на тот свет таких критиканов, как ты, и до сих пор не уверен, что «тот свет» существует! И еще: ненавижу, когда наглые пассажирки заглядывают ко мне в блокнот.

24 сентября 2019 г., туннель метро между станциями «Пушкинская» и «Владимирская». Поезд остановился. Затем снова двинулся в сторону «Владимирской».

* * *

Тебе недостаточно? Дура! Свинья! Колхоз проклятый! Не смей заглядывать в мои записи! От тебя дурно пахнет. Чего ты лыбишься? Меня сейчас стошнит на твоё пестрое глупое платье! Пошла ты! В любом случае.

24 сентября 2019 г., в следующую минуту.

* * *

Что? Опять за свое? Разве я тебе не говорил? Хорошо, я скажу еще раз. Одно может быть хорошим в одном, но плохим в другом... В курсе? Я говорю, ГОСТ в машиностроении – вещь хорошая, а в литературе ГОСТ – это мертвечина и богохульство. Что я думаю? Ты спрашиваешь меня? Хорошо, я отвечу. Я думаю, что у нас литераторы, судя по всему, знают «ГОСТ» лучше любого инженера. Понимаешь? Мертвечина! Они коронуют труп! Инес де Кастро, вот что. Они ее очень любили и теперь не могут расстаться. Я это говорю сейчас как литератор, а не как инженер. Литературный ГОСТ, подумать только, я это чую с первых страниц. Знакомительный фрагмент – более чем достаточно, даже имен не запоминаю. Там что-то написано было, то тут, то там. Новый автор, лауреат какой-то там премии, журналист, мальчик из хорошей семьи, музыкант плюс ко всему, друг известного писателя, кто-то там в каком-то там поколении, редактор в издательстве, сотрудник литературного журнала, фамильный склеп в «Лавре»... иногда это разные люди. Да это же просто ГОСТ, ничего нового. А сами-то кричат чего-то там.

Вы всё еще не догадываетесь, кто я? Я подстрекал Ницше писать, Глиттера – говорить! Я пытался сделать из Ширивонского честного человека – мое крупнейшее поражение. С Селином и Шопенгауэром я хорошо поработал. Изидор Дюкасс? Моя школа! Вильгельм Райх! Ах, это я вдохновил его на доверительный разговор с тобой, маленький человек. Я – Д. Мортидо, и я есть в каждом из вас!

* * *

Хорошая книга – вещь интимная. Не вздумай читать ее в общественном транспорте!.. Или хотя бы прикрой ладонью. И скалься на пассажиров. Будь так добр, скалься.

* * *

Должно быть, они в самом деле считают, что человек – это что-то такое монолитное. Что? Какая-то единичность, статичность психики, незамутненность разума, вечный гомеостаз. Они удивляются, когда им говоришь, что я не со всем согласен, что некоторые заявления сделаны ради эксперимента или же как стилизация. То есть, возможно, произошла некоторая эстетика. У меня тут Швейк зарыт и Игнациус Райлли. Они нашли друг друга на этих страницах. Один на осле, другой на кобыле. Я им говорю, значит, расслаблял голову и записывал то, что услышал. Еще будут вопросы?

* * *

– Дай мне такую книгу, от которой будет плевать не только простолюдин! – гремит голос.

* * *

Беззвучно кричал и бился головой о стенку шкафа.
И тогда рыцарь Мортидо наконец замолчал.
Не слышно более звона шпор.

* * *

С помощью электрического тока можно заставить крысу бояться, например, зерна. С помощью мнения невежественной толпы можно заставить человека бояться быть человеком. Это и происходит от начала времен.

* * *

Иные люди считают, что знать и не путать Моне и Мане – обязательно. А вот знать, почему они так считают, они обязательным не считают.

* * *

В двадцать первом веке они до сих пор заставляют друг друга интересоваться тем, что им неинтересно.

Не поеду я в Петергоф! Пока не захочу этого. И хоть ты тресни.

* * *

Ну вот, пришло время для рукописи, которую мы нашли возле одной из пещер в Саблино. Она была в какой-то грязной почтальонской сумке. Страницы отсырели, и я замучился разбираться в почерке автора. Я слышал, что в том же месяце где-то неподалеку нашли мертвеца. Также я слышал, что мертвец был молодым драматургом.

Страдания юного Цуафа

1

Ленинградская область, город Г., 2001 год. Желтая пятиэтажка-брежневка, крайний справа подъезд, первый этаж. Подъезд относительно чистый: внутри, рядом с дверью в подвал, горстка бычков, пустая бутылка из-под пива «Адмиралтейское», фантики от жвачек. Из подвала тянет тухлой мочой и перегаром.

На первом этаже четыре двери: две, которые слева, – жилые квартиры, две, которые справа, – филиал поликлиники.

В подъезд заходит мужчина лет тридцати, с черной трехдневной щетиной на бледном лице, становится напротив одной из дверей поликлиники и читает прикрепленное к ней объявление, написанное каллиграфическим почерком: «Терапевт Яковлева на больничном. Обращаться к терапевту 3-го участка Цуафу».

Мужчина протирает лицо руками, качает головой, беззвучно ругается, роется в карманах, затем прекращает. Он что-то вспоминает, надавливает на ручку, и дверь открывается без ключа. Мужчина с облегчением вздыхает и заходит.

Внутри узкий темный коридор, он заканчивается светлой квадратной комнатой с большим трехстворчатым окном. В комнате только четыре коричневых кресла с засаленными подлокотниками и полутораметровый фикус на полу у окна. Мужчина, прищурившись, с полминуты смотрит на окно, сквозь стёкла которого в комнату прорывается дневной свет. Он с отвращением поднадувает верхнюю губу, пытаясь сдержать рвотный позыв, и, словно бы похмельно качнувшись, поворачивается к белой двери с табличкой «Иван Георгиевич Цуаф. Терапевт».

Мужчина дышит на табличку, и она запотеваает неровным овалом. Затем овал потихоньку ссыживается и исчезает. Мужчина надавливает на ручку, но дверь не поддается, он понимающе кивает и начинает рыться в карманах, достает ключ и делает два поворота в замочной скважине.

За дверью кабинет: крашенные грязно-желтые стены, дешевый линолеум с узором под паркет, деревянный стеллаж для медицинских карт и коричневая кушетка у окна. Два облезлых прямоугольных стола с бумагами стоят впритык друг к другу.

Мужчина устало садится на стул, кладет припухшие ладони на стекло, покрывающее столешницу его стола, чувствует прохладу и опускает на него голову. Начинает медленно проваливаться в сон.

В испуге вскинув голову, он просыпается от какого-то необычного повторяющегося стука, словно за окном проходит лошадь. Он видит перед собой мужчину лет сорока, с острой бородкой, с зачесанными назад темными, слегка выющимися волосами, с залысинами на висках. Весь он, этот мужчина, какой-то угловатый, самодовольный, может быть, даже насмешли-

вый. Он на кого-то похож, только неясно на кого. Мужчина с бородкой садится на стул с другой стороны стола и с интересом разглядывает доктора.

– Что происходит? Прием еще не начался! – возмутился доктор. – Подождите за дверью!

Мужчина ничего не ответил, он, не моргая, разглядывал доктора. Спустя минуту странного молчания доктор продолжил:

– Как вам не стыдно, в конце концов! Вы, наверное, не с моего участка, у нас принято стучать, это во-первых... – занервничал доктор Цуаф.

– А я не пациент, – спокойно ответил мужчина с бородкой.

– Да?! А кто же вы? – почти испуганно спросил Цуаф.

Вот уже три дня доктор не спал ни единой минуты. Его стали преследовать навязчивые мысли, тревога не желала отступать.

Вечером он пил теплое молоко, пытался считать овец, принимал снотворное, даже перечитывал старый медицинский справочник, и сон не раз как будто бы подкрадывался к нему, но в последний, самый ответственный момент ничего не получалось. В эти три дня доктор мечтал об одном – хорошенько выспаться. И тут, когда с ним случилась такая удача и сон его наконец-то настиг, его так бесперемонно обрывают. И ведь пациентов сегодня не должно быть много, и медсестра уволилась. Июль месяц, середина недели, за окном жара. Пара человек на уколы, и только.

– Неужели не догадываетесь, Иван Георгиевич? – нарушил молчание мужчина с бородкой.

– Нет, – робко ответил Цуаф и тут же добавил, пытаясь придать голосу уверенности: – Не догадываюсь! Кто вы такой?

В голове у него закопошились мысли: «Неужели братья узнали? Как? Что теперь будет? Все, я пропал! Пьянь! Дурак! Зачем это все?! Неужели зарежут? Может быть, только морду набьют, и все? Нет, нет, она же... Точно зарежут! Я пропал!»

Цуаф закрыл глаза и, втянув голову в плечи, боязливо спросил:

– Вы брат?

– Брат, – холодно ответил мужчина с бородкой.

– Значит, будете бить? – тихо спросил Цуаф в надежде, что этим и обойдется.

– Зачем же сразу бить? За что? – с еле заметной ухмылкой ответил мужчина с бородкой. – Все мы, в конце концов, братья на этой земле, не так ли?

– Да, да, конечно, – согласился доктор.

– А вы что подумали, Иван Георгиевич? Чей я брат?

– Медсестры... медсестры... – торопливо ответил Цуаф и чуть слышно добавил: – Гавхар...

– Ах, вы об этом. Ну, слышал, слышал.

– Как, и вы слышали? Боже, – закрыл он лицо руками и покачал головой.

– Слышал, конечно. Я слышал, что на третьем участке уволилась медсестра и что место теперь свободно.

– Ах, вот оно что, – с облегчением выдохнул Цуаф. – Да, нам требуется медсестра.

– А медбрат?

– Кто? – удивился доктор.

– Медбрат, – повторил мужчина с бородкой, а на подоконник тем временем шумно плюхнулась ворона и стала каркать. Затем вторая. Доктор нервно вздрогнул плечами.

– Пернатая сволочь... Вон! Пошли вон! – прикрикнул на ворон Цуаф и кинул в стекло карандаш. – Так, значит, вы медбрат? – придя в себя, обратился он к мужчине с бородкой.

– Именно, – кивнул мужчина, – медбрат, Михаил Евгеньевич Фистов.

– Знаете что, мы ведь медсестру искали... – задумался доктор. – Извините, но нам нужна именно что медсестра, а не какой-то там медбрат. Медбрат нам не нужен.

– Ну хорошо, я вам скажу. Идите сюда, – подозвал рукой Фистов.

– Что такое?

– Не бойтесь, идите сюда.

– Я не боюсь, что случилось? – потянулся он головой через стол... против своей воли. Что-то невидимое тянуло его вперед, словно он стоял на краю скалы, перед самой пропастью.

– Меня уже назначили, – шепотом сообщил Фистов. – Там, – показал он пальцем наверх, – там так решили. Я теперь к вам приписан, понимаете?

– Понимаю, понимаю, – закивал Цуаф. – А как вы думаете, не женское ли это дело – работать медсестрой в поликлинике? – съехидничал доктор.

– Что делать, времена, дорогой терапевт! В поликлинике, разумеется, не совсем мужское, – нагло ухмыльнулся Фистов, как бы давая понять, что и терапевт в наше время не самая мужественная профессия.

– Да, действительно, времена! Не поспоришь.

Некоторое время они сидели молча. На окне скакали вороны, но почему-то больше не каркали, на полу валялся карандаш, и Цуаф раздумывал: поднять его или нет.

– Второй участок, говорят, вообще без медсестры, – нарушил молчание Фистов.

– Да, – кивнул Цуаф, – а теперь и без врача: Яковлева пока весь спирт свой не выпьет, сюда не вернется... А мне за нее отдуваться... коза, – процедил сквозь зубы Цуаф.

– Что так? Работы много?

– Да нет, в общем-то, не много, – пошел на попятный Цуаф и задумался: «И чего я на нее... и правда ведь, почти никто сюда не ходит в июле. Пусть себе пьет, кто в наше время не пьет? Мне-то что. Пусть пьет».

– Тогда выпьем? – заговорщицки предложил Фистов и облизал губы.

– Чего? – удивился доктор.

– Разумеется, водки!

– Ты... вы... да вы что? – наигранно возмутился Цуаф. – На работе? Как это вам в голову такое пришло?

– Ну да, – панибратски подмигнул Фистов, – на работе. А что еще делать?

– Нет, на работе я не пью. Я теперь вообще, знаете ли, не пью. Три дня как ни капельки. Точка, – ответил Цуаф, заподозрив неладное.

«Подсигивают, падлы! Хотят подловить... но только зачем им это?» – подумал Цуаф.

– Как знаете, Иван Георгиевич, а я выпью. Вы, надеюсь, не против?

Цуаф пожал плечами. Фистов достал из внутреннего кармана пиджака стеклянную фляжку водки и сделал несколько глотков из горлышка.

– Х-ху, – выдохнул Фистов, закручивая крышечку и убирая фляжку обратно в карман.

Цуаф поморщился, последние дни он на дух не переносил водку, и он, большой любитель этого дела, сам себе удивлялся.

– Может быть, все-таки... – начал Фистов.

– Нет, – отрезал Цуаф, – я не пью.

Доктор полистал несколько медицинских карт, но ему это быстро наскучило. Небрежным движением он отбросил одну, а затем и вторую карту на край стола и стал смотреть в окно. Окно выходило на западную сторону, так что в кабинете было еще не так жарко, но доктор уже чувствовал себя неважно, от слабости на лбу стала появляться испарина.

«Такая жара, а он в костюме – вот же чудак! – подумал Цуаф, глядя на Фистова. – В костюме, да еще в каком! В малиновом! На дворе 2001 год! Всё, кончились малиновые пиджаки».

– Ну и что же, что кончились? – спросил Фистов.

Цуаф вздрогнул, он не сразу понял, что подумал он это вслух.

– Да ничего. Просто жарко сегодня, голова не работает.

– Да, жарко, жарко, – согласился Фистов.

В дверь постучали.

– Войдите, – крикнул Цуаф.

В приоткрытую дверь просунулась голова-одуванчик.

– Здравсьте, Иван Георгич, это я, – с неуверенной улыбкой сказала старушка в серой шерстяной жилетке на пуговицах.

– Здравствуйте, Антонина Прокофьевна, пройдите в процедурную.

– А Гавхар? Что-то ее совсем не видно.

– Она уволилась, у нас новая... новый... у нас, в общем, теперь медбрат, – ответил Цуаф. – Да, медбрат, – повторил он и посмотрел на Фистова, который не без интереса разглядывал свои тяжелые, с мощными каблуками, черные высокие ботинки... было в них что-то ковбойское...

– Уколы-то делать приходилось? – обратился он к Фистову.

– Очень жаль, хорошая была медсестра, – сказала Антонина Прокофьевна. Цуаф пропустил мимо ушей.

– Приходилось или нет? – не отступал доктор.

У Цуафа были подозрения насчет этого новоявленного медбрата, доктор подозревал в нем ревизора. На доктора уже неоднократно поступали жалобы за его пьянство в рабочее время. Но пока, слава богу, увольнение ему не грозило – некем заменить. К тому же он, доктор Цуаф, был единственным во всей поликлинике, за исключением главврача, у кого была степень кандидата медицинских наук. В дозопойные времена Иван Георгиевич Цуаф подавал надежды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.